T-53

Л. Н. ТОЛСТОЙ

КНИГА ДЛЯ ЧТЕНИЯ

791

Р. С. Ф. С. Р.
БИБЛИОТЕКА
Народного Комиссариата
по просвещению.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1921

26810/8°

Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Т53

Л. Н. ТОЛСТОЙ

КНИГА ДЛЯ ЧТЕНИЯ

791

Р. С. Ф. С. Р.
БИБЛИОТЕКА
Народнаго Комиссариата
по просвещению.

Государственное Издательство
1921

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
26870 н.кп. VV

Гиз. № 2252а. (Р. В. Ц. Москва). Тираж 50.000.
Тип. „Искусство и Труд“ (б. Губернская) Никольская, 1.

I. РАССКАЗЫ ДЛЯ ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО ЧТЕНИЯ.

Приехал купец на постоялый двор и спросил обедать. Хозяйка ему рассказывала, кто к ней заезжал, а обедать все не давала. Купец рассердился и говорит: „У тебя есть что слушать, да нечего кушать“.

Мать отдала дочь замуж и приказывала ей слушаться всех в мужнином доме. Поутру свекровь послала молодку за водой; молодка спросила: „В чём воду носить?“ Невестка в шутку сказала: „Решетом“. Молодая взяла решето и пошла за водой. Мужик увидал и спросил: „Зачем она так глупо делает“.— „Мне так велели“.—„Ну, видно, добрых людей слушаться — решетом воду носить“.

Орёл ухватил у лисицы лисёнка и хотел унесть. Лисица стала просить, чтоб он пожалел её. Орёл не пожалел её. Он подумал: „Что она мне сделает? Гнездо у меня высоко на сосне. Она не достанет до меня". И унёс лисёнка. Лисица побежала в поле, достала у людей головёшку с огнем и принесла под сосну. Она хотела зажигать сосну, но орел стал просить прощенья и принес ей назад лисенка.

У одной обезьяны были два детёныша. Одного она любила, а другого нет. Погнались раз за обезьяной люди: она ухватила любимого детеныша и побежала с ним, а нелюбимого бросила. Нелюбимый детёныш залез в чащу леса. люди не приметили его, пробежали мимо. А обезьяна вскочила на дерево, да второпях ударила головой о сук любимого детеныша и убила его. Когда люди ушли, обезьяна пошла искать нелюбимого детёныша, но его не нашла и осталась одна.

Пришли неприятельские солдаты в чужую землю. Народ стал разбегаться. Один мужик побежал в поле за своею лошадью и стал ловить её. Лошадь не давалась мужику. Мужик и говорит ей: „Глупая, не даёшься мне, так тебя неприятели возьмут“. А лошадь говорит: „А что неприятели со мною делать будут?“ Мужик говорит: „Известно, возить заставят“. А лошадь говорит: „А у тебя я разве не вожу? Стало быть, мне всё одно, что на тебя, что на неприятелей твоих работать“.

Разговорилась кошка с лисицею, как от собак отделываться. Кошка говорит: „Я собак не боюсь, потому что у меня от них одна уловка есть“. А лисица говорит: „Как можно с одной уловкой отделаться от собак? У меня так семьдесят семь уловок и семьдесят семь увёрток есть“. Пока они говорили, наехали охотники и набежали собаки. У кошки одна уловка: она вско-

чила на дерево, и собаки не поймали её; а лисица начала свои увёртки делать, да не увернулась: собаки поймали её.

Была свинья, и у ней было пятнадцать беленьких поросеночков. Все были послушны, один только пёстрый поросёночек ослушивался матери. Мать не приказывала ему отходить от себя, а он всё отбивался. Раз непослушный поросёночек забежал далёко. Свинья рассердилась на него и говорит: „Уйду я подальше, он испугается и вперёд не будет ослушиваться“. Только она отошла, слышит — сзади поросёночек повизгивает, её отыскивает. Ей стало жаль поросёночка, она повернулась назад, хотела его взять с собой. Вдруг услыхала — он визжит. Прибежала свинья к тому месту, где был поросёночек, а его уж нет, только забрызгана земля кровью, и волчьи следы по ныли виднеются.

Тетерев сидел на дереве. Лисица подошла к нему и говорит: „Здравствуй, тетеревочек, мой дружочек, как слышала твой голосочек, так и пришла тебя проведать“.—„Спасибо на добром слове“, сказал тетерев. Лисица притворилась, что не расслышит, и говорит: „Что говоришь? Не слышу. Ты бы, тетеревочек, мой дружочек, сошёл на травушку погулять, поговорить со мной, а то я с дерева не расслышу“. Тетерев сказал: „Боюсь я сходить на траву. Нам, птицам, опасно ходить по земле“.

„Или ты меня боишься?“ сказала лисица. „Не тебя, так других зверей боюсь,—сказал тетерев:—Всякие звери бывают“.

„Нет, тетеревочек, мой дружочек, нынче указ объявлен, чтобы по всей земле мир был. Нынче уж звери друг друга не трогают“.—„Вот это хорошо,—сказал тетерев,—а то вот собаки бегут, кабы по-старому, тебе бы уходить надо, а теперь тебе бояться нечего“. Лисица услыхала про собак, навострила уши

и хотела бежать. „Куда ж ты?—сказал тетерев:—Ведь нынче указ, собаки не тронут“. —„А кто их знает!—сказала лисица:—Может, они указа не слыхали“. И убежала.

II. БАСНИ ЭЗОПА.

Муравей и голубка.

Муравей спустился к ручью: захотел напиться. Волна захлестнула его и чуть не потопила. Голубка несла ветку; она увидала—муравей тонет, и бросила ему ветку в ручей Муравей сел на ветку и спасся. Потом охотник расставил сеть на голубку и хотел захлопнуть. Муравей подполз к охотнику и укусил его за ногу; охотник охнул и уронил сеть. Голубка вспорхнула и улетела.

Черепаха и орёл.

Черепаха просила орла, чтобы научил её летать. Орёл не советовал, потому что ей не пристало, а она всё просила. Орёл взял её в когти, поднял вверх и пустил: она упала на камни и разбилась.

Хорёк.

Хорёк зашёл к меднику и стал лизать подпилок. Из языка пошла кровь, хорёк радовался, — лизал, думал, что из железа кровь идёт, и погубил весь язык.

Лев и мышь.

Лев спал. Мышь пробежала ему по телу. Он проснулся и поймал её. Мышь стала просить, чтобы он пустил её; она сказал: „Если ты меня пустишь, и я тебе добро сделаю“. Лев засмеялся, что мышь обещает ему добро сделать, и пустил её.

Потом охотники поймали льва и привязали верёвкой к дереву. Мышь услыхала львиный рёв, прибежала, перетрызла веревку и сказала: „Помнишь, ты смеялся, не думал, чтобы я могла тебе добро сделать, а теперь видишь,— бывает и от мыши добро“.

Лгун.

Мальчик стерёг овец и, будто увидав волка, стал звать: „Помогите, волк! волк!“ Мужики прибежали и видят: неправда. Как сделал он так и два и три раза, случилось— и вправду набежал волк. Мальчик стал кричать: „Сюда, сюда скорей, волк!“ Мужики подумали, что опять по-всегдашнему обманывает,—не послушали его. Волк видит, бояться нечего: на просторе перерезал все стадо.

Осёл и лошадь.

У одного человека были осёл и лошадь. Шли они по дороге; осёл сказал лошади: „Мне тяжело, не дотащу я всего, возьми с меня хоть немного“. Лошадь не послушалась. Осёл упал с натуги и умер. Хозяин как наложил всё с осла на лошадь, да еще и шкуру ослиную, лошадь и взмолилась: „Ох, горе мне бедной, горюшко мне несчастной! Не хотела я немножко ему подсобить, теперь вот всё тащу, да еще и шкуру“.

Галка и голуби.

Галка увидала, что голубей хорошо кормят,—выбелилась и влетела в голубятню. Голуби подумали сперва, что она такой же голубь, и пустили ее. Но галка забылась и закричала по-галочьи. Тогда ее голуби стали клевать и прогнали. Галка полетела назад к своим, но галки испугались ее оттого, что она была белая, и тоже прогнали.

Баба и курица.

Одна курица несла каждый день по яичку. Хозяйка подумала, что если больше давать корму, курица вдвое будет нестись. Так и сделала. А курица зажирела и вовсе перестала нестись.

Лев, медведь и лисица.

Лев и медведь добыли мяса и стали за него драться. Медведь не хотел уступить, и лев не уступал. Они так долго бились, что ослабели оба и легли. Лисица увидала промеж их мясо, подхватила и убежала.

Собака, петух и лисица.

Собака и петух пошли в товарищах странствовать. Вечеру петух уснул на дереве, а собака пристроилась того же дерева, промеж кореньев. Как пришло время, петух запел. Лисица услыхала петуха, прибежала и стала ему просить, чтобы он сошел к ней, будто ей хочется оказать почтенье ему за то, что у него голос хорош. Петух сказал: „Надо прежде разбудить дворника, он спит проже

кореньев. Пусть отопрет, тогда я сойду". Лисица стала искать дворника и забрехала. Собака живо вскочила и задушила лисицу.

Лошадь и конюх.

Конюх крал у лошади овёс и продавал, а лошадь каждый день чистил. Лошадь и говорит: „Если вправду хочешь, чтоб я была хороша,—овёс мой не продавай".

Лягушка и лев.

Лев услыхал—лягушка громко квакает, и испугался. Он подумал, что большой зверь так громко кричит. Он подождал немного, видит—вышла лягушка из болота. Лев раздавил её лапой и сказал: „Вперед, не рассмотревши, не буду пугаться".

Стрекоза и муравьи.

Осенью у муравьев подмокла пшеница; они её сушили. Голодная стрекоза попросила у них корму. Муравьи сказали: „Что ж ты летом не собрала корму?" Она сказала: „Недосуг было: песни пела". Они засмеялись и говорят: „Если летом играла, зимой пляши".

Курица и золотые яйца.

У одного хозяина курица несла золотые яйца. Ему захотелось сразу побольше золота, и он убил курицу (он думал, что внутри ее большой ком золота); а она была такая же, как и все курицы.

Осел в львиной шкуре.

Осёл надел львиную шкуру, и все думали—лев. Побежал народ и скотина. Подул ветер, шкура распахнулась, и стало видно осла. Сбежался народ: исколотили осла.

Курица и ласточка.

Курица нашла змеиные яйца и стала их высиживать. Ласточка увидала и говорит:

„То-то, глупая! Ты их выведешь, а как вырастут, они тебя первую обидят“.

Лисица и виноград.

Лисица увидала — висят спелые кисти винограда и стала прилаживаться, как бы их съесть.

Она долго билась, но не могла достать. Чтобы досаду заглушить, она говорит: „Зелены еще“.

Рыбак и рыбка.

Поймал рыбак рыбку. Рыбка и говорит:

„Рыбак, пусти меня в воду; видишь, я мелка: тебе от меня пользы мало будет. А пустишь, да я вырасту, тогда поймаешь—тебе пользы больше будет“.

Рыбак и говорит:

„Дурак тот будет, кто станет большой пользы ждать, а малую из рук упустит“.

Лисица и козел.

Захотелось козлу напиться: он слез под кручь к колодцу, напился и отяжелел. Стал он выбираться назад и не может. И стал он реветь. Лисица увидала и говорит:

„То-то, бестолковый! Коли бы у тебя сколько в бороде волос, столько бы в голове ума было, ты прежде, чем слезать, подумал бы, как назад выбраться“.

Собака и ее тень.

Собака шла по кладочке через речку, а в зубах несла мясо. Увидала она себя в воде и подумала, что там другая собака мясо несёт,—она бросила своё мясо и кинулась отнимать у той собаки: того мяса вовсе не было, а своё волною унесло. И осталась собака не при чем.

Журавль и аист.

Мужик расставил на журавлей сети за то, что они сбивали у него посев. В сети попались журавли, а с журавлями один аист.

Аист и говорит мужику:

„Ты меня отпусти: я не журавль, а аист; мы самые почётные птицы; я у твоего отца на доме живу. И по перу видно, что я не журавль“.

Мужик говорит:

„С журавлями поймал, с ними и зарежу“.

Садовник и сыновья.

Хотел садовник сыновей приучить к садовому делу. Когда он стал умирать, позвал их и сказал:

„Вот, дети, когда я умру, вы в виноградном саду поищите, что там спрятано“.

Дети подумали, что там клад, и когда отец умер, стали рыть и всю землю перекопали. Клада не нашли, а землю в винограднике так хорошо перекопали, что стало плода родиться много больше.

Волк и журавль.

Подавился волк костью и не мог вышерхнуть. Он подозвал журавля и сказал:

„Ну-ка, ты, журавль, у тебя шея длинная; засунь ты мне в глотку голову и вытащи кость: я тебя награжу".

Журавль засунул голову, вытащил кость и говорит:

„Давай же награду".

Волк заскрипел зубами, да и говорит:

„Или тебе мало награды, что я тебе голову не откусил, когда она у меня в зубах была?"

Зайцы и лягушки.

Сошлись раз зайцы и стали плакаться на свою жизнь: „И от людей, и от собак, и от орлов, и от прочих зверей погибаем. Уж лучше раз умереть, чем в страхе жить и мучиться. Давайте, утопимся!"

И поскакали зайцы в озеро топиться. Лягушки услыхали зайцев и забултыхали в воду. Один заяц и говорит:

„Стойте, ребята! Подождём топиться; вот лягушечье житьё, видно, еще хуже нашего: они и нас боятся".

Отец и сыновья.

Отец приказал сыновьям, чтобы жили в согласии; они не слушались. Вот он велел принесть веник и говорит:

„Сломайте!"

Сколько они ни бились, не могли сломать. Тогда отец развязал веник и велел ломать по одному пруту.

Они легко переломали прутья поодиночке.

Отец и говорит:

„Так-то и вы: если в согласии жить будете, никто вас не одолеет; а если будете ссориться, да все врозь,— вас всякий легко погубит".

Лисица.

Попалась лиса в капкан, оторвала хвост и ушла. И стала она придумывать, как бы ей свой стыд прикрыть.

Созвала она лисиц и стала их уговаривать, чтобы отрубили хвосты. „Хвост, — говорит, — совсем некстати, только напрасно лишнюю тягость за собой таскаем". Одна лисица и говорит: „Ох, не говорила бы ты этого, кабы не была куцая!"

Куцая лисица смолчала и ушла.

Дикий и ручной осёл.

Дикий осёл увидал ручного осла, подошел к нему и стал хвалить его жизнь: как и телом-то он гладок, и какой ему корм сладкий. Потом, как навьючили ручного осла, да как сзади стал погонщик подгонять его дубиной, дикий осёл и говорит: „Нет, брат, теперь не завидую,—вижу, что твое житье тебе соком достается".

Олень.

Олень подошел к речке напиться, увидал себя в воде и стал радоваться на свои рога, что они велики и развилисты, а на ноги посмотрел и говорит: „Только ноги мои плохи и жидки". Вдруг выскочи лев и бросься на оленя. Олень пустился скакать по чистому полю. Он уходил, а как пришел в лес, запутался рогами за сучья, и лев схватил его. Как пришло погибать оленю, он и говорит:

„То-то глупый я! Про кого думал, что плохи и жидки, те спасали, а на кого радовался, от тех пропал".

Собака и волк.

Собака заснула за двором. Голодный волк набежал и хотел съесть ее. Собака и говорит: „Волк! подожди меня есть,—теперь я костлява, худа. А вот, дай срок, хозяева будут свадьбу играть, тогда мне еды будет вволю, я разжирею,—лучше тогда меня съесть". Волк поверил и ушел. Вот приходит он в другой раз и видит—собака лежит на крыше. Волк и говорит: „Что ж, была свадьба?" А собака и говорит: „Вот что, волк: коли в другой раз застанешь меня сонную перед двором, не дожидайся больше свадьбы".

Комар и лев.

Комар прилетел ко льву и говорит: „Ты думаешь, в тебе силы больше моего? Как бы не так! Какая в тебе сила! Что царапаешь когтями и грызешь зубами, это и бабы так-то с мужиками дерутся. Я сильнее тебя; хочешь, выходи на войну!" И комар затрубил и стал кусать льва в голые щеки и в нос. Лев стал бить себя по лицу лапами и драть когтями; изодрал себе в кровь все лицо и из сил выбился.

Комар затрубил с радости и улетел. Потом запутался в паутину к пауку и стал паук его сосать. Комар и говорит: „Сильного зверя, льва, одолел, а вот от дрянного паука погибаю".

Лошадь и хозяева.

У садовника была лошадь. Работы ей было много, а корму мало. И стала она молить бога, чтобы ей перейти

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

к другому хозяину. Так и сделалось. Садовник продал лошадь горшечнику. Лошадь была рада, но у горшечника еще больше прежнего стало работы. И опять стала лошадь на судьбу свою жаловаться и молиться, чтобы перейти ей к лучшему хозяину. И то исполнилось. Горшечник продал лошадь кожевнику. Вот как увидала лошадь на кожевенном дворе конинные шкуры, она и завыла: „Ох, горе мне бедной! Лучше б у прежних хозяев оставаться: теперь уж, видно, не на работу продали меня, а на шкуру".

Старик и смерть.

Старик раз нарубил дров и понес. Нести было далеко; он измучился, сложил вязанку и говорит: „Эх, хоть бы смерть пришла!" Смерть пришла и говорит: „Вот и я, чего тебе надо?" Старик испугался и говорит: „Мне вязанку поднять".

Лев и лисица.

Лев от старости не мог уже ловить зверей и задумал хитростью жить: зашел он в пещеру, лег и притворился больным. Стали ходить звери его проведывать, и он съедал тех, которые входили к нему в пещеру. Лисица смекнула дело, стала у входа в пещеру и говорит: „Что, лев, как можешь?"

Лев говорит: „Плохо. Да ты отчего же не входишь?"

А лисица говорит: „Оттого не вхожу, что по следам вижу—входов много, а выходов нет".

Олень и виноградник.

Олень спрятался от охотников в виноградник. Когда охотники проминовали его, олень стал объедать виноградные листья.

Охотники приметили, что листья шевелятся, и думают: „Не зверь ли тут под листьями“, — выстрелили и ранили оленя.

Олень и говорит, умираючи: „Поделом мне за то, что я хотел съесть листья, те самые, какие спасли меня“.

Кот и мыши.

Завелось в одном доме много мышей. Кот забрался в этот дом и стал ловить мышей. Увидали мыши, что дело плохо, и говорят: „Давайте, мыши, не будем больше сходить с потолка, а сюда к нам коту не добраться!“ Как перестали мыши сходить вниз, кот и задумал, как бы их перехитрить. Уцепился он одной лапой за потолок, свесился и притворился мертвым. Одна мышь выглянула на него, да и говорит: „Нет, брат, хоть мешком сделайся, и то не подойду“.

Волк и коза.

Волк видит—коза пасется на каменной горе, и нельзя ему к ней подобраться; он ей и говорит: „Пошла бы ты вниз: тут и место поровнее, и трава тебе для корма много слаще“.

А коза и говорит: „Не за тем ты, волк, меня вниз зовешь, — ты не об моем, а о своем корме хлопочешь“.

Камыш и маслина.

Маслина и камыш заспорили о том, кто крепче и сильнее. Маслина посмеялась над камышом за то, что он от всякого ветра гнется. Камыш молчал. Пришла буря: камыш шатался, мотался, до земли сгибался—уцелел. Маслина напружилась сучьями против ветра — и сломилась.

Два товарища.

Шли по лесу два товарища, и выскочил на них медведь. Один бросился бежать, взлез на дерево и спрятался, а другой остался на дороге. Делать было ему нечего—он упал наземь и притворился мертвым.

Медведь подошел к нему и стал нюхать: он и дышать перестал.

Медведь понюхал ему лицо, подумал, что мертвый, и отошел.

Когда медведь ушел, тот слез с дерева и смеется: „Ну, что,—говорит,—медведь тебе на ухо говорил?“

„А он сказал мне, что плохие люди те, которые в опасности от товарищей убегают“.

Волк и ягнёнок.

Волк увидал,—ягненок пьет у реки.

Захотелось волку съесть ягненка и стал он к нему придираться. „Ты,—говорит,—мне воду мутишь и пить не даешь“.

Ягненок говорит: „Ах, волк, как я могу тебе воду мутить? Ведь я ниже по воде стою, да и то кончиками губ пью“. А волк говорит: „Ну, так зачем ты прошлым летом моего отца ругал?“ Ягненок говорит: „Да я, волк, и не родился еще прошлым летом“. Волк рассердился и говорит: „Тебя не переговоришь. Так я натощак, зато и съем тебя“.

Лев, волк и лисица.

Старый больной лев лежал в пещере. Приходили все звери проведывать царя, только лисица не бывала.

Вот волк обрадовался случаю и стал перед львом оговаривать лисицу.

„Она,—говорит,—тебя ни во что считает; ни разу не зашла царя проведать".

На эти слова и прибеги лисица. Она услыхала, что волк говорит, и думает: „Погоди ж, волк, я тебе вымещу".

Вот лев зарычал на лисицу, а она и говорит: „Не вели казнить, вели слово вымолвить. Я оттого не бывала, что недосуг было. А недосуг было оттого, что по всему свету бегала, у лекарей для тебя лекарства спрашивала. Только теперь нашла, вот и прибежала".

Лев и говорит:

„Какое лекарство?"

„А вот какое: если живого волка обдерешь да шкуру его тепленькую наденешь..."

Как растянул лев волка, лисица засмеялась и говорит:

„Так-то, брат; господ не на зло, а на добро наводить надо".

Лев, осёл и лисица.

Лев, осел и лисица вышли на добычу. Наловили они много зверей, и лев велел ослу делить. Осел разделил поровну на три части и говорит: „Ну, теперь берите!" Лев рассердился, съел осла и велел лисице переделить. Лисица всё собрала в одну кучу, а себе чуточку оставила. Лев посмотрел и говорит: „Ну, умница! Кто же тебя научил так хорошо делить?"

Она говорит: „А с ослом-то что было?"

Ворон и лисица.

Ворон добыл мяса кусок и сел на дерево. Захотелось лисице мяса, она подошла и говорит:

„Эх, ворон, как посмотрю на тебя, — по твоему росту да красоте только бы тебе царем быть! И верно был бы царем, если б у тебя голос был“.

Ворон разинул рот и заорал, что было мочи. Мясо упало. Лисица подхватила и говорит:

„Ах, ворон, коли бы еще у тебя и ум был, быть бы тебе царем“.

III. БАСНИ РАЗНЫХ НАРОДОВ.

Голова и хвост змеи.

Змеиный хвост заспорил с змеиной головой о том, кому ходить впереди. Голова сказала: „Ты не можешь ходить спереди: у тебя нет глаз и ушей“. Хвост сказал: „А зато во мне сила, я тебя двигаю: если захочу, да обернусь вокруг дерева, ты с места не тронешься“. Голова сказала: „Разойдёмся!“

И хвост оторвался от головы и пополз вперед. Но только что он отполз от головы, попал в трещину и провалился.

Тонкие нитки.

Один человек заказал пряхе тонкие нитки. Пряха спряла тонкие нитки, но человек сказал, что нитки нехороши и что ему нужны нитки самые тонкие. Пряха сказала: „Если тебе эти не тонки, так вот тебе другие“, и она показала на пустое место. Он сказал, что не видит. Пряха сказала: „Оттого и не видишь, что очень тонки, я и сама не вижу“.

Дурак обрадовался и заказал себе еще таких ниток, а за эти заплатил деньги.

Делёж наследства.

У одного отца было два сына. Он сказал им: „Умру— разделите все пополам“. Когда отец умер, сыновья не могли разделить без спору. Они пошли судиться к соседу. Сосед спросил у них: „Как вам отец велел делиться?“ Они сказали: „Он велел делить все пополам“. Сосед сказал: „Так разорвите пополам все платья, разбейте пополам всю посуду и пополам разрежьте всю скотину“. Братья послушали соседа, и у них ничего не осталось.

Обезьяна.

Один человек пошёл в лес, срубил дерево и стал распиливать. Он поднял конец дерева на пень, сел верхом и стал пилить. Потом он забил клин в распиленное место и стал пилить дальше. Распилил, вынул клин и переложил его еще дальше.

Обезьяна сидела на дереве и смотрела. Когда человек лег спать, обязьяна села верхом на дерево и хотела то же делать; но когда она вынула клин, дерево сжалось и прищемило ей хвост. Она стала рваться и кричать. Человек проснулся, прибил обезьяну и привязал на веревку.

Обезьяна и горох.

Обезьяна несла две полные горсти гороху. Выскочила одна горошинка; обезьяна хотела поднять и просыпала двадцать горошинок. Она бросилась поднимать и просыпала всё. Тогда она рассердилась, разметала весь горох и убежала.

Дойная корова.

У одного человека была корова; она давала каждый день горшок молока. Человек позвал гостей, и чтобы набрать для гостей больше молока, он десять дней не доил коровы. Он думал, что на десятый день корова даст ему десять кувшинов молока.

Но в корове перегорело все молоко, и она дала меньше молока, чем прежде.

Волк и старуха.

Голодный волк разыскивал добычу. На краю деревни он услыхал—в избе плачет мальчик, и старуха говорит:

— Не перестанешь плакать, я тебя волку отдам.

Волк не пошёл дальше и стал дожидаться, когда ему отдадут мальчика. Вот пришла ночь; он всё ждёт и слышит—старуха опять приговаривает:

— Не плачь, дитятко: не отдам тебя волку; только приди волк, убьем его.

Волк и подумал: видно, тут говорят одно, а делают другое,—и пошёл прочь от деревни.

Ноша.

Два человека шли вместе по дороге и несли на плечах каждый свою ношу. Один человек нёс, не снимая всю дорогу, а другой всё останавливался, снимал ношу и садился отдыхать. Но ему надо было всякий раз опять поднимать ношу и опять взваливать на плечи. И тот, который снимал ношу, больше устал, чем тот, который нёс, не снимая.

Утка и месяц.

Утка плавала по реке, отыскивала рыбу и в целый день не нашла ни одной. Когда пришла ночь, она увидала месяц в воде, подумала, что это рыба, и нырнула, чтобы поймать месяц. Другие утки увидали это и стали над ней смеяться.

С тех пор утка так застыдилась и заробела, что когда и увидала рыбу под водой, она уж не ловила её, и умерла с голода.

Волк в пыли.

Волк хотел поймать из стада овцу и зашёл под ветер, чтобы на него несло пыль от стада.

Овчарная собака увидала его и говорит:

„Напрасно ты, волк, в пыли ходишь, глаза заболят". А волк говорит: „То-то и горе, собачонка, что у меня уж давно глаза болят, а говорят — от овечьего стада пыль хорошо глаза вылечивает".

Мышь под амбаром.

Жила одна мышь под амбаром. В полу амбара была дырочка, и хлеб сыпался в дырочку. Мыши житьё было хорошее, но она захотела похвастаться своим житьём. Прогрызла больше дыру и назвала других мышей.

„Идите, — говорит, — ко мне гулять. Корму на всех достанет". Когда она привела мышей, она увидала, что дыры совсем не было. Мужик приметил большую дыру в полу и заделал её.

Сокол и петух.

Сокол привык к хозяину и ходил на руку, когда его кликали; петух бегал от хозяина и кричал, когда к нему подходили. Сокол и говорит петуху:

„В вас, петухах, нет благодарности; видна холопская порода. Вы, только когда голодны, идёте к хозяевам. То ли дело мы, дикая птица: в нас и силы много, и летать мы можем быстрее всех; а мы не бегаем от людей, а сами еще ходим к ним на руку, когда нас кличут. Мы помним, что кормят нас".

Петух и говорит:

„Вы не бегаете от людей оттого, что никогда не видали жареного сокола, а мы то-и-дело видим жареных петухов".

Шакалы и слон.

Шакалы поели всю падаль в лесу, и им нечего стало есть. Вот старый шакал и придумал, как им прокормиться. Пошёл он к слону и говорит:

„Был у нас царь, да избаловался: приказывал нам делать такие дела, каких нельзя исполнить; хотим мы другого царя выбрать—и послал меня наш народ просить тебя в цари. У нас житьё хорошее: что велишь, всё то будем делать и почитать тебя во всём будем. Пойдём в наше царство". Слон согласился и пошёл за шакалом. Шакал привёл его в болото. Когда слон завяз, шакал и говорит:

„Теперь приказывай: что велишь, то и будем делать".

Слон сказал:

„Я приказываю вытащить меня отсюда".

Шакал рассмеялся и говорит: „Хватайся хоботом мне за хвост,—сейчас вытащу“.

Слон говорит:

„Разве можно меня хвостом вытащить?“

А шакал и говорит: „Так зачем же ты приказываешь, чего нельзя сделать? Мы и первого царя за то прогнали, что он приказывал то, чего нельзя делать“.

Когда слон издох в болоте, шакалы пришли и съели его.

Цапля, рыбы и рак.

Жила цапля у пруда и состарелась; не стало уже в ней силы ловить рыбу. Стала она придумывать, как бы ей хитростью прожить. Она и говорит рыбам: „А вы, рыбы, не знаете, что на вас беда собирается: слышала я от людей, хотят они пруд спустить и вас всех повыловить. Знаю я, тут за горой хорош прудок есть. Я бы помогла, да стара стала: тяжело летать“. Рыбы стали просить цаплю, чтоб помогла.

Цапля и говорит:

„Пожалуй, постараюсь для вас—перенесу вас, только вдруг не могу, а поодиночке“.

Вот рыбы и рады; все просят: „Меня отнеси, меня отнеси!“

И принялась цапля носить их: возьмёт, вынесет в поле, да и съест. И переела она так много рыб.

Жил в пруду старый рак. Как стала цапля выносить рыбу, он смекнул дело и говорит:

„Ну, теперь, цапля, и меня снеси на новоселье“.

Цапля взяла рака и понесла. Как вылетела она на поле, хотела сбросить рака. Но рак увидел рыбьи косточки на

поле, стиснул клещами цаплю за шею и удавил её, а сам приполз назад к пруду и рассказал рыбам.

Слепой и молоко.

Один слепой отроду спросил зрячего: „Какого цвета молоко?“

Зрячий сказал: „Цвет молока такой, как бумага белая“.

Слепой спросил: „А что, этот цвет так же шуршит под руками, как бумага?“

Зрячий сказал: „Нет, он белый, как мука белая“.

Слепой спросил: „А что, он такой же мягкий и сыпучий, как мука?“

Зрячий сказал: „Нет, он просто белый, как заяц беляк“.

Слепой спросил: „Что же, он пушистый и мягкий, как заяц?“

Зрячий сказал: „Нет, белый цвет такой точно, как снег“.

Слепой спросил: „Что же, он холодный, как снег?“

И сколько примеров зрячий ни говорил, слепой не мог понять, какой бывает белый цвет молока.

Птицы в сети.

Охотник поставил у озера сети и накрыл много птиц. Птицы были большие, подняли сеть и улетели с ней. Охотник побежал за птицами. Мужик увидал, что охотник бежит, и говорит: „И куда бежишь? Разве пешком можно догнать птицу?“ Охотник сказал: „Кабы одна была птица, я бы не догнал, а теперь догоню“.

Так и сделалось. Как пришел вечер, птицы потянули на ночлег, каждая в свою сторону: одна к лесу, другая к болоту, третья в поле; и все с сетью упали на землю; и охотник взял их.

Царь и сокол.

Один царь пустил за зайцем любимого сокола и поскакал.

Сокол поймал зайца. Царь отнял зайца и стал искать воды, где бы напиться. В бугре царь нашел воду. Только она по капле капала. Вот он достал чашу с седла и подставил под воду. Вода текла по капле. и когда чаша набралась полная, царь поднял ее ко рту и хотел пить. Вдруг сокол встрепенулся на руке у царя забил крыльями и выплеснул воду. Царь опять подставил чашу. Он долго ждал, пока она наберется вровень с краями, и опять, когда он стал подносить ее ко рту, сокол затрепыхался и разлил воду.

Когда в третий раз царь набрал полную чашу и стал подносить ее к губам, сокол опять разлил ее. Царь рассердился и, со всего размаха ударив сокола об камень, убил его. Тут подъехали его слуги, и один из них побежал вверх к роднику, чтобы найти побольше воды и скорее набрать полную чашу. Только и слуга не принес воды; он вернулся с пустой чашкой и сказал: „Ту воду нельзя пить: в роднике змея, и она выпустила свой яд в воду. Хорошо, что сокол разлил воду. Если бы ты выпил этой воды, ты бы умер“.

Царь сказал: „Дурно же я отплатил соколу: он спас мне жизнь, а я убил его“.

Царь и слоны.

Один индийский царь велел собрать всех слепых и, когда они пришли, велел им показать своих слонов. Слепые пошли в конюшню и стали щупать слонов. Один ощупал ногу, другой—хвост, третий—репицу, четвертый брюхо, пятый—спину, шестой—уши, седьмой—клыки, восьмой—хобот. Потом царь позвал слепых к себе и спросил: „Каковы мои слоны“. Один слепой сказал: „слоны твои похожи на столбы“; этот слепой щупал ноги. Другой слепой сказал: „они похожи на веники“; этот щупал хвост. Третий сказал: „они похожи на сучья; этот щупал репицу. Тот, что щупал живот, сказал: „слоны похожи на кучу земли“. Тот, что щупал бока, сказал: „они похожи на стену“; тот, что щупал спину, сказал: „они похожи на гору“; тот, что щупал уши, сказал: „они похожи на платки“; тот, что щупал голову, сказал: „они похожи на ступу“; тот, что щупал клыки, сказал: „они похожи на рога“; тот, что щупал хобот, сказал: „что они похожи на толстую веревку“.

И все слепые стали спорить и ссориться.

Мужик и лошадь.

Поехал мужик в город за овсом для лошади. Только что выехал из деревни, лошадь стала заворачивать к дому. Мужик ударил лошадь кнутом. Она пошла и думает про мужика: „Куда он, дурак, меня гонит; лучше бы домой“. Не доезжая до города, мужик видит, что лошади тяжело по грязи, своротил на мостовую, а лошадь воротит прочь от мостовой. Мужик ударил кнутом и дёрнул лошадь; она пошла на мостовую и думает: „Зачем он меня повернул на мостовую, только копыта обломаешь. Тут под ногами жестко“.

Мужик подъехал к лавке, купил овса и поехал домой. Когда приехал домой, дал лошади овса. Лошадь стала есть и думает: „Какие люди глупые! Только любят над нами умничать, а ума у них меньше нашего. О чем он хлопотал? Куда-то ездил и гонял меня. Сколько мы ни ездили, а вернулись же домой. Лучше бы с самого начала оставаться нам с ним дома: он бы сидел на печи, а я бы ела овёс“.

Две лошади.

Две лошади везли два воза. Передняя лошадь везла хорошо, а задняя останавливалась. На переднюю лошадь стали поклажу перекладывать с заднего воза; когда всё переложили, задняя пошла налегке и сказала передней:

— Мучься и потей. Что больше будешь стараться, то больше тебя будут мучить.

Когда приехали на постоялый двор, хозяин и говорит: „Чем мне двух лошадей кормить, а на одной возить, лучше одной дам вволю корму, а ту зарежу: хоть шкуру возьму“.

Так и сделал.

Топор и пила.

Пошли два мужика в лес за деревом. У одного был топор, а у другого пила. Вот они выбрали дерево и стали спорить: один говорит: надо дерево срубить, а другой говорит: надо спилить.

Третий мужик и говорит: „Я сейчас помирю вас: если топор востер, то лучше рубить, а если пила еще вострее, то лучше пилить“. Он взял топор и стал рубить дерево. Но топор был так туп, что им нельзя было рубить.

Он взял пилу: пила была плохая и совсем не резала. Тогда он сказал: „Вы подождите спорить — топор не рубит, а пила не режет. Вы прежде отточите топор, да поправьте пилу, а потом уж спорьте“. Но те мужики еще пуще рассердились друг на друга за то, что у одного был не точеный топор, а у другого пила тупая, и они стали драться.

Собака и повар.

Повар готовил обед; собаки лежали у дверей кухни. Повар убил теленка и бросил кишки на двор. Собаки подхватили, поели и говорят: „Повар хороший: хорошо стряпает“.

Немного погодя, повар стал чистить горох, репу и лук и выбросил обрезки. Собаки кинулись: отвернули носы и говорят: „Испортился наш повар: прежде хорошо готовил, а теперь никуда не годится“.

Но повар не слушал собак, стряпал обед по-своему. Обед съели и похвалили хозяева, а не собаки.

Заяц и гончая собака.

Заяц сказал раз гончей собаке: „Для чего ты лаешь, когда гонишься за нами? Ты бы скорей поймала нас, если бы бежала молча. А с лаем ты только нагоняешь нас на охотника: ему слышно, где мы бежим, и он забегает с ружьем нам навстречу, убивает нас и ничего не дает тебе“.

Собака сказала: „Я не для того лаю, а лаю только потому, что когда слышу твой запах, то и сержусь, и радуюсь, что я вот сейчас поймаю тебя,—и сама не знаю зачем, но не могу удержаться от лая“.

Дуб и орешник.

Старый дуб уронил с себя жолудь под куст орешника. Орешник сказал дубу: „Разве мало простора под твоими сучьями? Ты бы ронял свои жолуди на чистое место. Здесь мне самому тесно для моих отростков, и я сам не бросаю наземь своих орехов, а отдаю их людям“.

„Я живу 200 лет, — сказал на это дуб, — и дубок из этого жолудя проживет столько же“.

Тогда орешник рассердился и сказал: „Так я заглушу твой дубок, и он не проживет и трех дней“.

Дуб ничего не ответил, а велел расти своему сынку из жолудя.

Жолудь намок, лопнул и уцепился крючком ростка в землю, а другой росток пустил кверху.

Орешник глушил его и не давал солнца. Но дубок тянулся кверху и стал сильнее в тени орешника. Прошло сто лет. Орешник давно засох, а дуб из жолудя поднялся до неба и раскинул шатер на все стороны.

Наседка и цыплята.

Наседка вывела цыплят и не знала, как их уберечь. Она и сказала им: „Полезайте опять в скорлупу; когда вы будете в скорлупе, я сяду на вас, как прежде сидела, и уберегу вас“. Цыплята послушались, полезли в скорлупу, но не могли никак влезть в нее и только помяли себе крылья. Тогда один цыпленок и сказал матери:

„Если нам всегда оставаться в скорлупе, ты бы лучше и не выводила нас“.

Дергач и его семья.

Дергач поздно свил в лугу гнездо и в покос еще самка сидела на яйцах. Рано утром мужики пришли к лугу, сняли кафтаны, наточили косы и пошли друг за другом подрезать траву и класть рядами. Дергач вылетел посмотреть, что делают косцы. Когда он увидал, что один мужик махнул косой и разрезал пополам змею, он обрадовался, прилетел к дергачихе и сказал: „Не бойся мужиков; они пришли резать змей; нам давно от них житья нет“. А дергачиха сказала: „Мужики режут траву, а с травой режут всё, что ни попадется: и змею, и дергачиное гнездо, и дергачиную голову. Не добро чует мое сердце; а нельзя мне ни унести яиц, ни улететь с гнезда, чтобы не остудить их“.

Когда косцы дошли до дергачиного гнезда, один мужик махнул косой и срезал дергачихе голову, а яйца положил за пазуху и отдал ребятам играть.

Корова и козел.

У старухи были корова и козел. Корова и козел вместе ходили в стадо. Корова все ворочалась, когда ее доили. Старуха вынесла хлеба с солью, дала корове и приговаривала: „Да стой же, матушка; на, на; еще вынесу, только стой смирно“.

На другой вечер козел вперед коровы вернулся с поля, расставил ноги и стал перед старухой. Старуха замахнулась на него полотенцем, но козел стоял, не шевелился. Он помнил, что старуха обещала хлеба корове, чтобы стояла смирно. Старуха видит, что козел не пронимается, взяла палку и прибила его.

Когда козел отошел, старуха опять стала кормить корову хлебом и уговаривать ее.

„Нет в людях правды!—подумал козел.—Я смирнее ее стоял, а меня прибили".

Он отошел к сторонке, разбежался, ударил в подойник, разлил молоко и зашиб старуху.

IV СКАЗКИ

Ореховая ветка.

Жил богатый купец, и было у него три дочери. Собрался он ехать за товаром и спросил у дочерей, что им привезть. Старшая просила бусы, вторая просила колечко, а меньшая говорит: „Мне ничего не нужно; если вспомнишь про меня, то привези ореховую ветку“. Купец уехал, сделал свои дела и купил старшей дочери бусы, второй— колечко. Едет он уже назад через большой лес и вспомнил, что меньшая ничего не просила, только ореховую ветку, и слез с повозки и пошёл сорвать ореховую ветку. Вдруг, видит он, на кусте ореховая ветка, и не простая, а на ней золотые орехи. Купец и думает: „Вот и моей меньшой умнице подарок“, нагнул ветку и сломил. Вдруг откуда ни взялся медведь, схватил купца за руку и говорит: „Ты как смел мою ветку ломать? Теперь я тебя съем“. Купец испугался и говорит: „Я бы не взял ветки, да меньшая дочь просила меня“.

Медведь и говорит: „Иди же домой, но помни: тот, кто тебя дома первый встретит, того ты мне отдай“.—Купец обещался, и медведь отпустил его. Купец поехал дальше и приехал домой.

Только въехал во двор, бежит навстречу его любимая—

меньшая дочь. Купец вспомнил, что он обещал медведю того, кто его первый встретит, и так и обмер.

Рассказал купец всё, что с ним было, и что надо меньшую дочь медведю отдать. Стали все плакать. А мать говорит: „Не плачьте, я знаю, что делать. Когда медведь придёт за нашей дочкой, мы нарядим пастухову дочь и отдадим её вместо своей".

Раз сидят все дома и видят, что едет на двор карета. Стали смотреть. Видят—из кареты вышел медведь. Вошёл медведь к купцу и говорит: „Давай дочь". Купец не знает, что сказать. А мать догадалась, снарядила пастухову дочь и привела к медведю. Медведь посадил её в карету и поехал. Только отъехали, медведь зарычал и хотел съесть пастухову дочь. Тогда она призналась, что она пастухова, а не купцова дочь.

Медведь вернулся к купцу и говорит: „Ты меня обманул, давай настоящую дочь". Поплакали, одели дочь, простились с нею и отдали медведю. Медведь посадил её в карету и поехал. Ехали они, ехали, приехали они в большой лес и остановились. Медведь вылез из кареты и сказал: „Вот наш дом, иди за мной". Медведь влез в нму, девочка пошла за ним. Потом отворил медведь большуз дверь и ввёл девочку в темный подвал и говорит: „Иди за мной". Девочка дрожала от страха и думала, что её конёц пришел, а всё-таки шла за медведем. Вдруг затрещало что-то. как гром, стало светло, и девочка, видит, что она не в подвале, а в богатом дворце; светло, музыка играет, и нарядные люди её встречают и ей кланяются, а рядом с ней молодой князь. Князь подошёл к ней и сказал: „Я не медведь, а князь, и хочу на тебе жениться".

Тогда послали за отцом и матерью, позвали гостей и сыграли свадьбу. Жили они счастливо и всегда берегли ореховую ветку.

Девочка и разбойники.

Одна девочка стерегла в поле корову. Пришли разбойники и увезли девочку. Разбойники привезли девочку в лес, в дом, и велели ей стряпать, убирать и шить. Девочка жила у разбойников, работала на них и не знала, как уйти. Когда разбойники уходили, они запирали девочку. Раз ушли все разбойники и оставили девочку одну. Она принесла соломы, сделала из соломы куклу, надела на неё своё платье и посадила у окна. А сама вымазалась мёдом, вывалялась в перьях и стала похожа на страшную птицу. Она выскочила в окно и побежала. Только что она вышла на дорогу, видит—навстречу ей идут разбойники. Разбойники не узнали её и спросили: „Чучело, что наша девочка делает?“ А девочка и говорит: „Она моет, готовит и шьёт, у окна разбойничков ждёт“. И сама еще скорее побежала.

Разбойники пришли домой и видят — у окна кто-то сидит. Они поклонились и говорят: „Здравствуй, наша девочка, отопри нам“, и видят, что девочка не кланяется и молчит. Они стали бранить куклу, а она всё не двигается и молчит. Тогда они сломали дверь и хотели убить девочку—и тут увидали, что это не девочка, а соломенная кукла. Разбойники её бросили и говорят: „Обманула нас девочка!“

А девочка подошла к реке, обмылась и пришла домой.

Три медведя.

Одна девочка ушла из дома в лес. В лесу она заблудилась и стала искать дорогу домой, да не нашла, а пришла в лес к домику.

Дверь была отворена; она посмотрела в дверь, видит, в домике никого нет, и вошла. В домике этом жили три

медведя. Один медведь был отец, звали его Михаил Иванович. Он был большой и лохматый. Другой была медведица. Она была поменьше и звали её Настасья Петровна. Третий был маленький медвежонок и звали его Мишутка. Медведей не было дома, — они ушли гулять по лесу.

В домике было две комнаты: одна — столовая, другая—спальня. Девочка вошла в столовую и увидала на столе три чашки с похлёбкой. Первая чашка, очень большая, была Михайлы Ивановичева. Вторая чашка, поменьше, была Настасьи Петровнина; третья, синенькая чашечка, была Мишуткина. Подле каждой чашки лежали ложки: большая, средняя и маленькая.

Девочка взяла самую большую ложку и похлебала из самой большой чашки; потом взяла среднюю ложку и похлебала из средней чашки; потом взяла маленькую ложечку и похлебала из синенькой чашечки, и Мишуткина похлёбка ей показалась лучше всех.

Девочка захотела сесть и видит у стола три стула: один большой—Михайлы Иванычев, другой, поменьше—Настасьи Петровнин и третий, маленький, с синенькой подушечкой—Мишуткин. Она полезла на большой стул и упала; потом села на средний стул, на нем было неловко: потом села на маленький стульчик и засмеялась так было хорошо. Она взяла синенькую чашечку на колена и стала есть. Поела всю похлёбку и стала качаться на стуле.

Стульчик проломился, и она упала на пол. Она встала, подняла стульчик и пошла в другую горницу. Там стояли три кровати: одна большая—Михайлы Иванычева, другая средняя—Настасьи Петровнина, третья маленькая—Мишенькина. Девочка легла на большую,—было слишком просторно; легла в среднюю,—было слишком высоко;

легла в маленькую—кроватка пришлась ей как раз впору, и она заснула.

А медведи пришли домой голодные и захотели обедать. Большой медведь взял свою чашку, взглянул и заревел страшным голосом:

Кто хлебал в моей чашке?

Настасья Петровна посмотрела свою чашку и зарычала не так громко:

Кто хлебал в моей чашке?

А Мишутка увидал свою пустую чашечку и запищал тонким голосом:

Кто хлебал в моей чашке и всё выхлебал?

Михайло Иваныч взглянул на свой стул и зарычал страшным голосом:

Кто сидел на моем стуле и сдвинул его с места?

Настасья Петровна взглянула на свой стул и зарычала не так громко:

Кто сидел на моем стуле и сдвинул его с места?

Мишутка взглянул на свой сломанный стульчик и пропищал:

Кто сидел на моём стуле и сломал его?

Медведи пришли в другую горницу.

Кто ложился на мою постель и смял ее?

заревел Михайло Иванович страшным голосом.

Кто ложился на мою постель и смял ее?

зарычала Настасья Петровна не так громко.

А Мишенька подставил скамеечку, полез в свою кроватку и запищал тонким голосом:

Кто ложился на мою постель?

И вдруг он увидел девочку и завизжал так, как будто его режут:

Вот она! Д ржи, д ржи! Вот она! Вот она! А-я-ай! Д ржи!

Он хотел её укусить. Девочка открыла глаза, увидела медведей и бросилась к окну. Оно было открыто, она выскочила в окно и убежала. И медведи не догнали её.

Визирь Абдул.

Был у персидского царя правдивый визирь Абдул. Поехал он раз к царю через город. А в городе собрался народ бунтовать. Как только увидали визиря, обступили его, остановили лошадь и стали грозить ему, что они его убьют, если он по-ихнему не сделает. Один человек так осмелился, что взял его за бороду и подёргал ему бороду.

Когда они отпустили визиря, он приехал к царю и упросил его помочь народу и не наказывать за то, что они его так обидели.

На другое утро пришёл к визирю лавочник. Визирь спросил, что ему надо. Лавочник говорит: „Я пришёл выдать тебе того самого человека, который тебя обидел вчера. Я его знаю—это мой сосед, его звать Нагим; пошли за ним и накажи его!“

Визирь отпустил лавочника и послал за Нагимом. Нагим догадался, что его выдали; пришёл ни жив ни мёртв к визирю и упал в ноги.

Визирь поднял его и сказал: „Я не за тем призвал тебя, чтобы наказывать, а только за тем, чтобы сказать тебе, что у тебя сосед нехорош. Он тебя выдал, берегись его“.

Шат и Дон.

У старика Ивана было два сына: Шат Иваныч и Дон Иваныч. Шат Иваныч был старший брат, он был

сильнее и больше, а Дон Иваныч был меньшой, и был меньше и слабее. Отец показал каждому дорогу и велел им слушаться. Шат Иваныч не послушался отца и не пошёл по показанной дороге, сбился с пути и пропал. А Дон Иваныч слушал отца и шел туда, куда отец приказывал. За то он прошёл всю Россию и стал славен.

В Тульской губернии, в Епифанском уезде, есть деревня „Иван-озеро“; и в самой деревне есть озеро. Из озера вытекают в разные стороны два ручья. Один ручей так узок, что через него перешагнуть можно. Этот ручей называют Дон. Другой ручёк широкий, и его называют Шат.

Дон идёт всё прямо, и чем дальше он идёт, тем шире становится.

Шат вертится с одной стороны на другую. Дон прошёл через всю Россию и впал в Азовское море. В нём много рыбы, и по нём ходят барки и пароходы.

Шат зашатался, не вышел из Тульской губернии и впал в реку Уфу.

Волга и Вазуза.

Были две сестры: Волга и Вазуза. Они стали спорить, кто из них умнее и кто лучше проживёт.

Волга сказала: „Зачем нам спорить,—мы обе на возрасте. Давай выйдем завтра поутру из дому и пойдём каждая своей дорогой; тогда увидим, кто из двух лучше пройдёт и скорее придёт в Хвалынское царство“.

Вазуза согласилась, но обманула Волгу. Только что Волга заснула, Вазуза ночью побежала прямой дорогой в Хвалынское царство.

Когда Волга встала и увидала, что сестра ее ушла, она ни тихо, ни скоро пошла своей дорогой и догнала Вазузу.

Вазуза испугалась, чтобы Волга не наказала ее, назвалась меньшой сестрой и попросила Волгу довести её до Хвалынского царства. Волга простила сестру и взяла с собой.

Река Волга начинается в Осташковском уезде из болот в деревне Волго. Там есть небольшой колодезь, из него течёт Волга. А река Вазуза начинается в горах. Вазуза течёт прямо, а Волга поворачивает.

Вазуза весною раньше ломает лёд и проходит, а Волга позднее. Но когда обе реки сходятся, в Волге уже 30 саженей ширины, а Вазуза еще узкая и маленькая речка. Волга проходит через всю Россию на три тысячи сто шестьдесят вёрст и впадает в Хвалынское (Каспийское) море. И ширины в ней в полую воду бывает до двенадцати верст.

Правéдный судья.

Один алжирский царь Бауакас захотел сам узнать, правду ли ему говорили, что в одном из его городов есть праведный судья, что он сразу узнает правду и что от него ни один плут не может укрыться. Бауакас переоделся в купца и поехал верхом на лошади в тот город, где жил судья. У въезда в город к Бауакасу подошел калека—стал просить милостыню. Бауакас подал ему и хотел ехать дальше, но калека уцепился ему за платье. „Что тебе нужно? — спросил Бауакас. — Разве я не дал тебе милостыню?“ — „Милостыню ты дал, — сказал калека, — но еще сделай милость — довези меня на твоей лошади до площади, а то лошади и верблюды как бы не раздавили меня“. Бауакас посадил калеку сзади себя и довез его до площади. На площади Бауакас остановил лошадь. Но нищий не слезал. Бауакас сказал:

„Что ж сидишь? Слезай, мы приехали". А нищий сказал: „Зачем слезать,—лошадь моя; а не хочешь добром отдать лошадь, пойдем к судье". Народ собрался вокруг них и слушал, как они спорили; все закричали: „Ступайте к судье, он вас рассудит".

Бауакас с калекою пошли к судье. В суде был народ, и судья вызывал по очереди тех, кого судил. Прежде чем черед дошел до Бауакаса, судья вызвал ученого и мужика: они судились за жену. Мужик говорил, что это его жена, а ученый говорил, что его жена. Судья выслушал их, помолчал и сказал: „Оставьте женщину у меня, а сами приходите завтра".

Когда эти ушли, вошли мясник и масленник. Мясник был весь в крови, а масленник в масле. Мясник держал в руке деньги, масленник—руку мясника. Мясник сказал: „Я купил у этого человека масло и вынул кошелек, чтобы расплатиться, а он схватил меня за руку и хотел отнять деньги. Так мы и пришли к тебе,—я держу в руке кошелек, а он держит меня за руку. Но деньги мои, а он—вор".

А масленник сказал: „Это неправда. Мясник пришел ко мне покупать масло. Когда я налил ему полный кувшин, он попросил меня разменять ему золотой. Я достал деньги и положил их на лавку, а он взял их и хотел бежать. Я поймал его за руку и привел сюда".

Судья помолчал и сказал: „Оставьте деньги у меня и приходите завтра".

Когда очередь дошла до Бауакаса и до калеки, Бауакас рассказал, как было дело. Судья выслушал его и спросил нищего. Нищий сказал: „Это все неправда. Я ехал верхом через город, а он сидел на земле и просил меня подвезти его. Я посадил его на лошадь и довез, куда ему нужно было; но он не хотел слезать и сказал, что лошадь его. Это неправда".

Судья подумал и сказал: „Оставьте лошадь у меня и приходите завтра“.

На другой день собралось много народа слушать, как рассудит судья.

Первые подошли ученый и мужик.

— Возьми свою жену, — сказал судья ученому, — а мужику дать пятьдесят палок.

Ученый взял свою жену, а мужика тут же наказали.

Потом судья вызвал мясника.

— Деньги твои, — сказал он мяснику; потом он указал на масленника и сказал ему: — А ему дать пятьдесят палок.

Тогда позвали Бауакаса и калеку. „Узнаешь ты свою лошадь из двадцати других?“ спросил судья Бауакаса.

— Узнаю.

— А ты?

— И я узнаю, — сказал калека.

— Иди за мной,—сказал судья Бауакасу.

Они вошли в конюшню. Бауакас сейчас же промеж других двадцати лошадей показал на свою. Потом судья вызвал калеку в конюшню и тоже велел ему указать на лошадь. Калека признал лошадь и показал ее. Тогда судья сел на свое место и сказал Бауакасу:

— Лошадь твоя: возьми ее. А калеке дать пятьдесят палок.

После суда судья пошел домой, а Бауакас пошел за ним.

— Что же ты, или недоволен моим решением?— спросил судья.

— Нет, я доволен,—сказал Бауакас.—Только хотелось бы мне знать, почему ты узнал, что жена была ученого, а не мужика, что деньги были мясниковы, а не масленниковы, и что лошадь была моя, а не нищего?

— Про женщину я узнал вот как: позвал ее утром к себе и сказал ей: налей чернил в мою чернильницу. Она взяла чернильницу, вымыла ее скоро и ловко и налила чернил. Стало-быть, она привыкла это делать. Будь она жена мужика, она не сумела бы этого сделать. Выходит, что ученый был прав. — Про деньги я узнал вот как: положил я деньги в чашку с водой и сегодня утром посмотрел — всплыло ли на воде масло. Если бы деньги были масленниковы, то они были бы запачканы его масленными руками. На воде масла не было, стало-быть, мясник говорит правду.

„Про лошадь узнать было труднее. Калека так же, как и ты, из двадцати лошадей сейчас же указал на лошадь. Да я не для того приводил вас обоих в конюшню, чтобы видеть, узнаете ли вы лошадь, а для того, чтобы видеть — кого из вас двоих узнает лошадь. Когда ты подошел к ней, она обернула голову, потянулась к тебе; а когда калека тронул ее, она прижала уши и подняла ногу. Поэтому я узнал, что ты настоящий хозяин лошади.

Тогда Бауакас сказал:

— Я не купец, а царь Бауакас. Я приехал сюда, чтобы видеть, правда ли то, что говорят про тебя. Я вижу теперь, что ты мудрый судья. Проси у меня, чего хочешь, я награжу тебя.

Судья сказал: „Мне не нужно награды; я счастлив уже тем, что царь мой похвалил меня“.

Царское новое платье.

Один царь был охотник до хороших платьев. Он ни о чем больше не думал, только как бы ему получше нарядиться. Пришли к нему один раз два портные мастера

и говорят: „Мы можем сшить такое нарядное платье, какого еще никогда ни у кого не было. Только, если кто глуп и к своей должности не годится, тот платья нашего не может видеть. Кто умен, тот будет видеть, а кто глуп, тот рядом будет стоять и не будет видеть платья нашей работы". Царь обрадовался портным и велел сшить на себя платье. Портным отвели во дворе горницу и дали им бархату, шелку, золота, — всего, что нужно было для платья.

Когда прошла неделя, царь послал своего министра узнать, готово ли новое платье. Министр пришел и спросил; портные сказали, что готово, и показали министру пустое место. Министр знал, что если кто глуп и к своей должности не годится, то тот не может видеть платья, и он притворился, что видит платье, и похвалил. Царь велел себе принести платье. Ему принесли и показали пустое место. Царь тоже притворился, что он видит новое платье, снял свое старое платье и велел надеть на себя новое. Когда царь пошел в новом платье гулять по городу, — все видели, что на царе нет никакого платья; но все боялись сказать, что они не видят платья, потому что слышали, что только глупый не может видеть нового платья. И каждый думал, только про себя, что он не видит, а думал, что другие все видят. Так царь гулял по городу, и все хвалили новое платье. Вдруг один дурачок увидал царя и закричал: „Смотрите: царь по улицам ходит раздевшись!" И царю стало стыдно, что он не одет, и увидали, что на царе ничего не было.

V. РАССКАЗЫ ИЗ ЖИЗНИ ДЕТЕЙ.

Подкидыш.

У бедной женщины была дочь Маша. Маша утром пошла за водой и увидала, что у двери лежит что-то, завернутое в тряпки. Маша поставила вёдра и развернула тряпки. Когда она тронула тряпки, из них закричало что-то „уа! уа!“ Маша нагнулась и увидала, что это маленький красный ребёнок. Он громко кричал „уа! уа!“ Маша взяла его в руки, понесла его в дом и стала с ложки поить молоком. Мать сказала: „Что ты принесла?“ Маша сказала: „Ребеночка, я нашла у нашей двери“. Мать сказала: „Мы и так бедны, где нам кормить еще ребёнка; я пойду к начальнику и скажу, чтоб его взяли“. Маша заплакала и сказала: „Матушка, он немного будет есть, оставь его. Посмотри, какие у него красненькие сморщенные ручки и пальчики“. Мать посмотрела, ей стало жалко. Она оставила ребеночка. Маша кормила и пеленала ребеночка и пела ему песни, когда он ложился спать.

Как тетушка выучилась шить.

Когда мне было шесть лет, я просила мать дать мне шить. Она сказала: „Ты еще мала, ты только пальцы наколешь“, а я все приставала. Мать достала из сундука красный лоскут и дала мне; потом вдела в иголку красную нитку и показала мне, как держать. Я стала шить, но не могла делать ровных стежков: один стежок выходил боль-

шой, а другой попадал на самый край и прорывался насквозь. Потом я уколола палец и хотела не заплакать, да мать спросила меня: „Что ты?“—я не удержалась и заплакала. Тогда мать велела мне итти играть.

Когда я легла спать, мне всё мерещились стежки: я всё думала о том, как мне скорее выучиться шить, и мне казалось так трудно, что я никогда не выучусь. А теперь я выросла большая и не помню, как выучилась шить; и когда я учу шить свою девочку, удивляюсь, как она не может держать иголку.

Как мальчика не взяли в город.

Собрался батюшка в город, а я ему говорю: „Батя. возьми меня с собой“. А он говорит: „Ты там замёрзнешь; куда тебе“. Я повернулся, заплакал и пошёл в чулан. Плакал, плакал и заснул. И вижу я во сне, будто от нашей деревни небольшая дорожка к часовне, и вижу я—по этой дорожке идёт батя. Я догнал его, и мы пошли с ним вместе в город. Иду я и вижу—впереди топится печка. Я говорю: „Батя, это город?“ А он говорит: „Он самый“. Потом мы дошли до печки, и вижу я—там пекут колачи. Я говорю: „Купи мне колачика“. Он купил и дал мне. Тут я проснулся, встал, обулся, взял рукавицы и пошёл на улицу. На улице ребята катаются на ледянках и на салазках. Я стал с ними кататься и катался до тех пор, пока не иззяб. Только я вернулся и влез на печку, слышу—батя вернулся из города. Я обрадовался, вскочил и говорю: „Батя, что—купил мне колачика?“ Он говорит: „Купил“, и дал мне колач. Я вскочил на лавку и стал плясать от радости.

Как мальчика в лесу застала гроза.

Когда я был маленький, меня послали в лес за грибами. Я дошёл до лесу, набрал грибов и хотел итти домой. Вдруг стало темно, пошёл дождь и загремело. Я испугался и сел

под большой дуб. Блеснула молния такая светлая, что мне глазам больно стало, и я зажмурился. Над моей головой что-то затрещало и загремело; потом что-то ударило меня в голову. Я упал и лежал до тех пор, пока перестал дождь. Когда я очнулся, по всему лесу капало с деревьев, пели птички и играло солнышко. Большой дуб сломался, и из него шел дым. Вокруг меня лежали оскретки от дуба. Платье на мне было всё мокрое и липло к телу; на голове была шишка и было немножко больно. Я нашел свою шапку, взял грибы и побежал домой. Дома никого не было; я достал в столе хлеба и влез на печку. Когда я проснулся, я увидал с печки, что грибы мои изжарили, поставили на стол и уже хотят есть. Я закричал: „Что вы без меня едите?“ Они говорят: „Что ж ты спишь? иди скорей. ешь“.

Как мальчик дедушке нашел пчелиных маток.

Мой дедушка летом жил на пчельнике. Когда я приживал к нему, он давал мне мёду.

Один раз я пришел на пчельник и стал ходить промеж ульев. Я не боялся пчёл, потому что дед научил меня тихо ходить по осеку.

И пчёлы привыкли ко мне и не кусали. В одном улье я услыхал, что-то квохчет. Я пришел к деду в избушку и рассказал ему

Он пошел со мною, сам послушал и сказал: „Из этого улья уже вылетел один рой, первый со старой маткой, а теперь молодые матки вывелись. Это они кричат. Они завтра с другим роем вылетать будут“. Я спросил у дедушки: „Какие такие бывают матки?“ Он сказал: „А матка все равно, что царь в народе: без неё нельзя быть пчелам“.

Я спрашивал: „А из себя они какие?“

Он сказал: „Приходи завтра; Бог даст, отроится, — я тебе покажу и мёду дам“.

Когда я на другой день пришёл к дедушке, у него в сенях висели две закрытые роевни с пчёлами. Дед велел мне надеть сетку и обвязал мне ее платком по шее; потом

взял одну закрытую роевню с пчёлами и понес её на пчельник. Пчёлы гудели в ней. Я боялся их и запрятал руки в портки; но мне хотелось посмотреть матку, и я пошел за дедом.

На осеке дед подошел к простой колоде, приладил корытце, открыл роевню и вытряхнул из нее пчёл на корыто. Пчёлы поползли по корыту в колоду и все трубили, а дед веничком пошевеливал их.

— А вот и матка!—дед указал мне веничком, и я увидал длинную пчелу с короткими крылышками. Она подползла с другими и скрылась. Потом дед снял с меня сетку и пошел в избушку. Там он дал не большой кусок мёду; я съел его и обмазал себе щёки и руки. Когда я пришел домой, мать сказала:

— Опять тебя баловник-дед мёдом кормил. А я сказал: „Он за то мне дал мёду, что я ему вчера нашёл улей с молодыми матками, а нынче мы с ним рой сажали".

Пожар.

В жнитво мужики и бабы ушли на работу. В деревне остались только старые да малые. В одной избе оставались бабушка и трое внучат. Бабушка истопила печку и легла отдохнуть. На нее садились мухи и кусали её. Она закрыла голову полотенцем и заснула. Одна из внучек, Маша (ей было три года), открыла печку, нагребла угольев в черепок и пошла в сени. А в сенях лежали снопы. Бабы приготовили эти снопы на связла [1]). Маша принесла уголья, положила под снопы и стала дуть. Когда солома стала загораться, она обрадовалась, пошла в избу и привела за руку брата, Кирюшку (ему было полтора года, он только что выучился ходить), и сказала: „Глянь, Килюска, какую я печку вздула". Снопы уже горели и трещали. Когда застлало сени дымом, Маша испугалась и побежала назад в избу; Кирюшка упал на пороге, расшиб нос и заплакал.

[1]) Соломенны жгуты, чтобы вязать снопы.

Маша втащила его в избу, и они оба спрятались под лавку. Бабушка ничего не слыхала и спала. Старший мальчик, Ваня (ему было восемь лет), был на улице. Когда он увидал, что из сеней валит дым, он вбежал в дверь, сквозь дым перескочил в избу и стал будить бабушку; но бабушка с просонков ошалела и забыла про детей, выскочила и побежала по дворам за народом. Маша тем временем сидела под лавкою и молчала; только маленький мальчик кричал, потому что больно разбил себе нос. Ваня услыхал его крик, поглядел под лавку и закричал Маше: „Беги, сгоришь!“ Маша побежала в сени, но от дыма и от огня нельзя было пройти. Она вернулась назад. Тогда Ваня поднял окно и велел ей лезть. Когда она пролезла, Ваня схватил брата и потащил его. Но мальчик был тяжел и не давался брату. Он плакал и толкал Ваню. Ваня два раза упал, пока дотащил его к окну; дверь в избе уже загорелась. Ваня просунул мальчикову голову в окно и хотел протолкнуть его; но мальчик (он очень испугался) ухватился ручонками и не пускал их. Тогда Ваня закричал Маше: „Тащи его за голову!“, а сам толкал сзади. И так они вытащили его в окно на улицу и сами выскочили

Котёнок.

Были брат и сестра—Вася и Катя: у них была кошка Весной кошка пропала. Дети искали её везде, но не могли найти. Один раз они играли подле амбара и услыхали— над головой что-то мяучит тонкими голосами. Вася влез по лестнице под крышу амбара. А Катя стояла внизу и все спрашивала: „Нашёл? нашёл?“ Но Вася не отвечал ей Наконец, Вася закричал ей: «Нашел! наша кошка... и у ней котята: такие чудесные; иди сюда скорее».

Катя побежала домой, достала молока и принесла кошке.

Котят было пять. Когде они выросли немножко и стали вылезать из-под угла, где вывелись, дети выбрали себе одного котёнка, серого с белыми лапками, и принесли в дом. Мать раздала всех остальных котят, а этого оставила

детям. Дети кормили его, играли с ним и клали с собой спать.

Один раз дети пошли играть на дорогу и взяли с собой котёнка.

Ветер шевелил солому по дороге, а котёнок играл с соломой, и дети радовались на него. Потом они нашли подле дороги щавель, пошли собирать его и забыли про котёнка.

Вдруг они услыхали, что кто-то громко кричит: „Назад, назад!“ и увидали, что скачет охотник, а впереди его две собаки—увидали котёнка и хотят схватить его. А котёнок, глупый, вместо того, чтобы бежать, присел к земле, сгорбил спину и смотрит на собак. Катя испугалась собак, закричала и побежала прочь от них. Вася что было духу пустился к котёнку и в одно время с собаками подбежал к нему. Собаки хотели схватить котёнка, но Вася упал животом на котёнка и закрыл его от собак.

Охотник подскакал и отогнал собак, а Вася принёс домой котёнка и уже больше не брал его с собой в поле.

Птичка.

Был Серёжа именинник, и много ему разных подарили подарков: и волчки, и кони, и картинки. Но дороже всех подарков подарил дядя Серёжа сетку, чтобы птиц ловить. Сетка сделана так, что на рамке приделана дощечка, и сетка откинута. Насыпать семя на дощечку и выставить на двор. Прилетит птичка, сядет на дощечку, дощечка подвернётся, и сетка сама захлопнется. Обрадовался Серёжа, прибежал к матери показать сетку. Мать говорит: „Нехороша игрушка. На что тебе птички? Зачем ты их мучить будешь?“—„Я их в клетку посажу. Они будут петь, и я их буду кормить!“ Достал Серёжа семя, посыпал на дощечку и выставил сетку в сад. И всё стоял, ждал, что птички прилетят. Но птицы его боялись и не летели на сетку. Пошёл Серёжа обедать и сетку оставил. Поглядел после обеда, сетка захлопнулась, и под сеткой бьётся птичка. Серёжа обрадовался, поймал птичку и понёс домой.

„Мама! посмотри, я птичку поймал, это, верно, соловей! и как у него сердце бьётся“.—Мать сказала: „Это чиж Смотри же, не мучай его, а лучше пусти“.—„Нет, я его кормить и поить буду“. Посадил Серёжа чижа в клетку и два дня сыпал ему семя, ставил воду и чистил клетку. На третий день он забыл про чижа и не переменил ему воду. Мать ему и говорит: „Вот видишь, ты забыл про свою птичку, лучше пусти её“.— „Нет, я не забуду, я сейчас поставлю воды и вычищу клетку“. Засунул Серёжа руку в клетку, стал чистить, а чижик испугался, бьётся об клетку. Серёжа вычистил клетку и пошёл за водой. Мать увидала, что он забыл закрыть клетку, и кричит ему: „Серёжа, закрой клетку, а то вылетит и убьётся твоя птичка!“ Не успела она сказать, чижик нашёл дверку, обрадовался, распустил крылышки и полетел через горницу к окошку, да не видал стекла, ударился о стекло и упал на подоконник.

Прибежал Серёжа, взял птичку, понёс её в клетку. Чижик был ещё жив, но лежал на груди, распустивши крылышки, и тяжело дышал. Серёжа смотрел-смотрел и начал плакать. „Мама, что мне теперь делать?“

„Теперь ничего не сделаешь“. Серёжа целый день не отходил от клетки и всё смотрел на чижика, а чижик всё так же лежал на грудке и тяжело и скоро дышал. Когда Серёжа пошёл спать, чижик ещё был жив. Серёжа долго не мог заснуть; всякий раз, как он закрывал глаза, ему представлялся чижик, как он лежит и дышит. Утром, когда Серёжа подошёл к клетке, он увидал, что чиж уже лежит на спинке, поджал лапки и закостенел. С тех пор Серёжа никогда не ловил птиц.

Что было в лесу с дядей Семеном.

Поехал я раз зимою в лес за деревами, срубил три дерева, срубил сучья, обтесал, смотрю—уж поздно: надо домой ехать. А погода была дурная: снег шёл и мело. Думаю, ночь захватит, и дороги не найдешь. Погнал я лошадь: еду, еду,—всё выезду нет. Всё лес. Думаю, шуба на мне плохая,

замёрзнешь. Ездил, ездил,—нет дороги и темно. Хотел уж сани отпрягать, да под сани ложиться, слышу недалеко бубенцы погромыхивают. Поехал я на бубенчики, вижу—тройка коней саврасых, гривы заплетены лентами, бубенцы светятся, и сидят двое молодцов.

„Здорово, братцы!“—„Здорово, мужик“.—„Где, братцы, дорога?“—„Да вот мы на самой дороге“. Выехал я к ним, смотрю, что за чудо—дорога гладкая и незаметеная. „Ступай,—говорят,—за нами“, и погнали коней. Моя кобылка плохая, не поспевает. Стал я кричать: „Подождите, братцы!“ Остановились, смеются. „Садись,—говорят,—с нами. Твоей лошади порожнём легче будет“.—„Спасибо“,—говорю. Перелез я к ним в сани. Сани хорошие, ковровые. Только сел я, как свистнут: „Ну, вы, любезные!“ Завились саврасые кони так, что снег столбом. Смотрю, что за чудо!—светлей стало, и дорога гладкая, как лёд, и палим мы так, что дух захватывает, только по лицу ветками стегает. Уж мне жутко стало. Смотрю вперёд: гора крутая - прекрутая, и под горой пропасть. Саврасые прямо в пропасть летят. Испугался я, кричу: „Батюшки, легче, убьёте!“ Куда тут, только смеются, свищут. Вижу я, пропадать. Над самой пропастью сани. Гляжу—у меня над головой сук. Ну, думаю, пропадайте одни. Приподнялся, схватился за сук и повис. Только повис и кричу: „Держи!“ А сам слышу тоже, кричат бабы: „Дядя Семён! чего ты? Бабы, а бабы! дуйте огонь. С дядей Семёном что-то недоброе,—кричит“. Вздули огонь. Очнулся я. А я в избе за полати ухватился руками, вишу и кричу непутёвым голосом. А это я всё во сне видел.

Филиппок.

Был мальчик, звали его Филипп. Пошли раз все ребята в школу. Филипп взял шапку и хотел тоже итти. Но мать сказала ему: „Куда ты, Филиппок, собрался?“—„В школу“. —„Ты ещё мал, не ходи“, и мать оставила его дома. Ребята ушли в школу. Отец ещё с утра уехал в лес, мать ушла на подённую работу. Остались в избе Филиппок да бабушка

на печке. Стало Филиппку скучно одному, бабушка заснула, и он стал искать шапку. Своей не нашёл, взял старую, отцовскую, и пошёл в школу.

Школа была за селом у церкви. Когда Филиппок шёл по своей слободе, собаки не трогали его,—они его знали. Но когда он вышел к чужим дворам, выскочила Жучка, залаяла, а за Жучкой большая собака Волчок. Филиппок бросился бежать, собаки за ним. Филиппок стал кричать, споткнулся и упал. Вышел мужик, отогнал собак и сказал: „Куда ты, пострелёнок, один бежишь?“ Филиппок ничего не сказал, подобрал полы и пустился бежать во весь дух. Прибежал он к школе. На крыльце никого нет, а в школе, слышно, гудят голоса ребят. На Филиппка нашёл страх: что как учитель меня прогонит? И стал думать, что ему делать. Назад итти—опять собака заест, в школу итти—учителя боится. Шла мимо школы баба с ведром и говорит: „Все учатся, а ты что тут стоишь?“ Филиппок и пошёл в школу. В сенцах снял шапку и отворил дверь. Школа вся была полна ребят. Все кричали своё, и учитель в красном шарфе ходил по середине.

— Ты что?—закричал он на Филиппка. Филиппок ухватился за шапку и ничего не говорил.—Да кто ты?—Филиппок молчал.—Или ты немой?—Филиппок так напугался, что говорить не мог.—Ну, так иди домой, коли говорить не хочешь.—А Филиппок и рад бы что сказать, да в горле у него от страха пересохло. Он посмотрел на учителя и заплакал. Тогда учителю жалко его стало. Он погладил его по головке и спросил у ребят, кто этот мальчик.

— Это Филиппок, Костюшкин брат, он давно просится в школу, да мать не пускает его, и он украдкой пришёл в школу.

— Ну, садись на лавку возле брата, а я твою мать попрошу, чтоб пускала тебя в школу.

Учитель стал показывать Филиппку буквы, а Филиппок их уж знал и немножко читать умел.

— Ну-ка, сложи своё имя.

Филиппок сказал: хве-и хви, ле-и—ли, пе-ок—пок.

Все засмеялись.

— Молодец,—сказал учитель.—Кто же тебя учил читать?

Филиппок осмелился и сказал: „Костюшка. Я бедовый, я сразу всё понял. Я страсть какой ловкий!“

С тех пор Филиппок стал ходить с ребятами в школу.

Девочка и грибы.

Две девочки шли домой с грибами.

Им надо было переходить через железную дорогу.

Они думали, что машина далеко, вылезли на насыпь и пошли через рельсы.

Вдруг зашумела машина. Старшая девочка побежала назад, а меньшая—перебежала через дорогу.

Старшая девочка закричала сестре: „Не ходи назад!“

Но машина была так близко и так громко шумела, что меньшая девочка не расслышала; она подумала, что ей велят бежать назад. Она побежала назад через рельсы, споткнулась, выронила грибы и стала подбирать их.

Машина уже была близко, и машинист свистел что было силы.

Старшая девочка кричала: „Брось грибы!“, а маленькая девочка думала, что ей велят собрать грибы, и ползала по дороге.

Машинист не мог удержать машины. Она свистала изо всех сил и наехала на девочку.

Старшая девочка кричала и плакала. Все проезжающие смотрели из окон вагонов, а кондуктор побежал на конец поезда, чтобы видеть, что сделалось с девочкой.

Когда поезд прошел, все увидели, что девочка лежит между рельсами головой вниз и не шевелится.

Потом, когда поезд уже отъехал далеко, девочка подняла голову, вскочила на коленки, собрала грибы и побежала к сестре.

Ручной воробей—Живчик.

В нашем доме за ставнем окна воробей свил гнездо и положил пять яичек. Мы с сёстрами смотрели, как воробей по соломинке и по пёрышку носил за ставню и вил там

гнёздышко. А потом, когда он положил туда яйца, мы очень обрадовались. Воробей не стал больше прилетать с пёрышками и соломой, а сел на яйца. Другой воробей—нам сказали, что один муж, а другой жена—приносил жене червей и кормил её.

Через несколько дней мы услыхали из-за ставня писк и посмотрели, что сделалось в воробьином гнезде; в нем было пять крошечных голых птичек, без крыльев и без перьев; носики у них были жёлтые и мягкие, и головы—большие.

Они показались нам очень некрасивы, и мы перестали на них радоваться, а только иногда смотрели на то, что они делали. Мать часто от них улетала за кормом, и когда она возвращалась, воробушки с писком открывали свои жёлтые клювики, и мать оделяла их кусочками червяков.

Через неделю маленькие воробьи подросли, покрылись пухом и стали красивее, и тогда мы опять стали часто на них смотреть. Мы пришли утром к ставню посмотреть наших воробьев и увидали, что старый воробей лежит мёртвый подле ставня. Мы догадались, что воробей сел на ночь на ставень и заснул, и что его раздавили, когда закрывали ставень.

Мы подняли старого воробья и бросили в траву. Маленькие пищали, высовывали свои головки и открывали клювики, но их некому было кормить.

Старшая сестра сказала: „Вот у них теперь нет матери, некому их кормить; давайте выкормим их“.

Мы обрадовались, взяли коробок, наклали в него хлопчатой бумаги, уложили туда гнездо с птичками и понесли к себе наверх. Потом мы нарыли червяков, намочили хлеб в молоке и стали кормить воробушков. Они ели хорошо, трясли головками, чистили клювики об стенки коробка, и все были очень веселы.

Так мы их кормили весь день и очень на них радовались. На другое утро, когда мы посмотрели в коробок, мы увидали, что самый маленький воробушек лежит мёртвый, а лапки его запутались в хлопчатую бумагу. Мы его выкинули и вынули всю хлопчатую бумагу, чтобы другой в нее не запутался, и положили в коробок травы и мху. Но к

вечеру еще два воробья растопырили свои перышки и раскрыли рты, закрыли глаза и тоже померли.

Через два дня умер и четвёртый воробушек, и остался только один. Нам сказали, что мы их окормили.

Сестра плакала о своих воробьях и последнего воробья стала кормить одна, а мы только смотрели. Последний—пятый воробушек, был веселый, здоровый и живой; мы называли его Живчиком.

Этот Живчик жил так долго, что уже стал летать и знать свою кличку.

Когда, бывало, сестра закричит: „Живчик, Живчик!", он прилетит, сядет ей на плечо, на голову или на руку, и она его кормит.

Потом он вырос и стал сам кормиться. Он жил у нас в горнице наверху, улетал иногда в окно, но всегда прилетал ночевать на свое место, в коробок.

Раз он утром никуда не полетел из своего коробка: перья у него стали мокрые, и он их растопырил, как и другие воробьи, когда они умирали. Сестра не отходила от Живчика, ходила за ним, но он ничего не ел и не пил.

Три дня он был болен и на четвёртый умер. Когда мы увидали его мёртвым, на спинке, с подкорюченными лапками, мы все три сестры стали так плакать, что мать прибежала наверх узнать, что случилось. Когда она вошла, она увидала на столе мёртвого воробья и поняла наше горе. Сестра несколько дней не ела, не играла, а все плакала.

Живчика мы завернули в наши самые лучшие лоскутки, положили в деревянный ящичек и зарыли в саду в яме. Потом сделали над его могилкой бугорок и положили камушек.

Как я ездил верхом.

У нас был старый старик, Пимен Тимофеич. Ему было 90 лет. Он жил у своего внука без дела. Спина у него была согнутая, он ходил с палкой и тихо передвигал ногами. Зубов у него совсем не было, лицо было сморщенное.

Нижняя губа его тряслась, когда он ходил и когда говорил, он шлёпал губами, и нельзя было понять, что он говорит.

Нас было четыре брата, и все мы любили ездить верхом. Но смирных лошадей у нас для езды не было. Только на одной старой лошади нам позволяли ездить: эту лошадь звали Воронок.

Один раз матушка позволила нам ездить верхом, и мы все пошли в конюшню с дядькой. Кучер оседлал нам Воронка, и первый поехал старший брат. Он долго ездил; ездил на гумно и кругом сада, и когда он подъезжал назад, мы закричали: „Ну, теперь проскачи!“

Старший брат стал бить Воронка ногами и хлыстом, и Воронок проскакал мимо нас.

После старшего сел другой брат, и он ездил долго и тоже хлыстом разогнал Воронка и проскакал из-под горы. Он ещё хотел ездить, но третий брат просил, чтобы он поскорее пустил его. Третий брат проехал и на гумно, и вокруг сада, да ещё и по деревне, и шибко проскакал из-под горы к конюшне. Когда он подъехал к нам, Воронок сопел, а шея и лопатки потемнели у него от пота.

Когда пришёл мой черёд, я хотел удивить братьев и показать им, как я хорошо езжу,—стал погонять Воронка изо всех сил, но Воронок не хотел итти от конюшни. И сколько я ни колотил его, он не хотел скакать, а шёл шагом и то всё заворачивал назад. Я злился на лошадь и изо всех сил бил её хлыстом и ногами.

Я старался бить её в те места, где ей больнее, сломал хлыст и остатком хлыста стал бить по голове. Но Воронок всё не хотел скакать. Тогда я поворотил назад, подъехал к дядьке и попросил хлыстика покрепче. Но дядька сказал мне:

„Будет вам ездить, сударь, слезайте. Что лошадь мучить?“

Я обиделся и сказал: „Как же, я совсем не ездил? Посмотри, как я сейчас проскачу! Дай, пожалуйста, мне хлыст покрепче. Я его разожгу“.

Тогда дядька покачал головой и сказал:

„Ах, сударь, жалости в вас нет. Что его разжигать? Ведь ему 20 лет. Лошадь измучена, насилу дышит, да и стара.

Ведь она какая старая? Всё равно, как Пимен Тимофеич. Вы бы сели на Тимофеича, да так-то чрез силу погоняли бы его хлыстом. Что же, вам не жалко бы было?"

Я вспомнил про Пимена и послушал дядьку. Я слез с лошади, и, когда я посмотрел, как она носила потными боками, тяжело дышала ноздрями и помахивала облезшим хвостиком, я понял, что лошади трудно было. А то я думал, что ей было так же весело, как мне. Мне так жалко стало Воронка, что я стал целовать его в потную шею и просить у него прощения за то, что я его бил.

С тех пор я вырос большой и всегда жалею лошадей и всегда вспоминаю Воронка и Пимена Тимофеича, когда вижу, что мучают лошадей.

VI. РАССКАЗЫ ИЗ ЖИЗНИ ВЗРОСЛЫХ.

Слепой и глухой.

Слепой и глухой пошли в чужое поле за горохом. Глухой сказал слепому: „Ты слушай и мне сказывай; а я буду смотреть—тебе скажу".

Вот они зашли в горох и сели. Слепой ощупал горох и говорит: „Стручист". А глухой говорит: „Где стучит?" Слепой споткнулся на межу и упал. Глухой спросил: „Что ты?" Слепой говорит: „Межа!" Глухой говорит: „Бежать?"— и побежал. А слепой за ним.

Камень.

Один бедный пришёл к богатому и стал просить милостыню. Богатый не дал ничего и сказал: „Поди вон!" Но бедный не уходил. Тогда богатый рассердился, поднял камень и бросил им в бедного. Бедный поднял камень, положил за пазуху и сказал: „До тех пор буду носить этот камень, пока не придется и мне бросить в него". И пришло это время. Богатый сделал дурное дело: у него отняли всё, что у него было, и повезли в тюрьму. Когда его везли в тюрьму, бедный подошёл к нему, вынул из-за пазухи камень и замахнулся; потом пораздумался, бросил камень на земь и сказал: и напрасно я так долго носил этот камень: когда он был богат и силен, я боялся его, а теперь мне жалко его".

Мужик и огурцы.

Пошел раз мужик к огороднику огурцы воровать. Подполз он к огурцам, и думает: „Вот дай унесу мешок огурцов, продам: на эти деньги курочку куплю. Нанесет мне курица яиц, сядет наседочкой, выведет много цыплят. Выкормлю я цыплят, продам, куплю поросёночка-свинку; наопросит мне свинка поросят. Продам поросят, куплю кобылку; ожеребит мне кобылка жеребят. Выкормлю жеребят; продам; куплю дом и заведу огород. Заведу огород, насажу огурцов, воровать не дам, караул буду крепкий держать. Найму караульщиков, посажу на огурцы, а сам так-то пойду сторонкой да крикну: „Эй вы, караульте крепче!“ Мужик так задумался, что и забыл совсем, что он на чужом огороде, и закричал во всю глотку. Караульщики услыхали, выскочили, избили мужика.

Старый дед и внучек.

Стал дед очень стар. Ноги у него не ходили, глаза не видели, уши не слышали, зубов не было. И кбгда он ел, у него текло назад изо рта. Сын и невестка перестали его за стол сажать и давали ему обедать за печкой. Снесли ему раз обедать в чашке. Он хотел ее подвинуть, да уронил и разбил. Невестка стала бранить старика за то, что он им всё в доме портит и чашки бьёт, и сказала, что теперь она ему будет давать обедать в лаханке. Старик только вздохнул и ничего не сказал.

Сидят раз мужик с женой дома и смотрят—сынишка их на полу дощечками играет—что-то слаживает. Отец и спросил: „Что это ты делаешь, Миша?“ А Миша и говорит: „Это я, батюшка, лаханку делаю. Когда вы с матушкой старые будете, чтобы вас из этой лаханки кормить“.

Мужик с женой поглядели друг на друга и заплакали. Им стало стыдно за то, что они так обижали старика, и стали с тех пор сажать его за стол и ухаживать за ним.

Ученый сын.

Сын приехал из города к отцу в деревню. Отец сказал: „Нынче покос, возьми грабли, пойдем, пособи мне“. А сыну не хотелось работать, он и говорит: „Я учился наукам, а все мужицкие слова забыл; что такое грабли?“ Только он пошел по двору, наступил на грабли: они его ударили по лбу. Тогда он вспомнил, что такое грабли, хватился за лоб и говорит: „И что за дурак тут грабли бросил!“

Как вор сам себя выдал.

Один вор залез ночью к купцу на чердак. Он отобрал шубы, полотна и хотел слезать, да споткнулся на перемёт и загремел. Купец услыхал, что что-то зашумело над головой, разбудил работника и пошёл со свечой на чердак. Работник разоспался и говорит купцу: „Что смотреть, никого нет, нешто кошка?“ Но купец все-таки пошёл на чердак. Как только вор услыхал, что идёт кто-то, он положил шубы и полотна на прежнее место и стал искать места, куда бы спрятаться. Увидал он — большая куча чего-то. А это была куча табаку листового. Вор раскопал табак, влез в середину и прикрылся табаком. И слышит вор, что вошли двое—входят и говорят. Купец говорит: „Я слышал, что-то тяжёлое загремело“. А работник говорит: „Чему греметь, либо кошка, либо домовой“. Купец прошел мимо табаку, ничего не заметил и говорит: „И то, видно, показалось: никого нет; ну, пойдем“. И слышит вор, что они уходят, и думает: „Теперь всё опять соберу и вылезу в окно“. Только вдруг чувствует вор, что ему в носу защекотало от табаку и чихнуть хочется. Зажал он рот рукой, еще больше щекочет, и не может удержаться, чтобы не чихнуть. Купец с работником уже стали выходить. Слышат—в угле кто-то чихает. „Чих! чих! а чих!“ Вернулись и поймали вора.

Два купца.

Один бедный купец уезжал в дорогу и отдал весь свой железный товар под сохранение богатому купцу. Когда он вернулся, он пришёл к богатому купцу и попросил назад свое железо.

Богатый купец продал весь железный товар и, чтобы отговориться чем-нибудь, сказал: „С твоим железом несчастье случилось“.

— А что?

— Да я его сложил в хлебный амбар. А там мышей пропасть. Они всё железо источили. Я сам видел, как они грызли. Если не веришь—поди посмотри.

Бедный купец не стал спорить. Он сказал: „Чего смотреть. Я и так верю. Я знаю, мыши всегда железо грызут. Прощай“. И бедный купец ушёл.

На улице он увидал, играет мальчик, сын богатого купца. Бедный купец приласкал мальчика, взял на руки и унёс к себе.

На другой день богатый купец встречает бедного и рассказывает свое горе, что у него сын пропал и спрашивает: „Не видал ли, не слыхал ли?“

Бедный купец и говорит: „Как же, видел. Только стал я вчера от тебя выходить, вижу ястреб налетел прямо на твоего мальчика, схватил и унёс“.

Богатый купец рассердился и говорит: „Стыдно тебе надо мной смеяться. Разве статочное дело, чтобы ястреб мог мальчика унесть“.

— Нет, я не смеюсь. Что ж удивительного, что ястреб мальчика унёс, когда мыши 100 пудов железа съели? Всё бывает.

Тогда богатый купец понял и говорит: „Мыши не съели твоего железа, а я его продал и вдвое тебе заплачу“.

— А если так, то и ястреб сына твоего не уносил: я его тебе отдам.

Индеец и англичанин.

Индейцы взяли на войне в плен молодого англичанина, привязали его к дереву и хотели убить.

Старый индеец подошёл и сказал: „Не убивайте его, а отдайте мне".

Его отдали

Старый индеец отвязал англичанина, свел в свой шалаш, накормил и положил ночевать.

На другое утро индеец велел англичанину итти за собой.

Они шли долго, и когда подошли близко к английскому лагерю, индеец сказал:

„Ваши убили моего сына, я спас тебе жизнь; иди к своим и убивай нас".

Англичанин удивился и сказал: „Зачем ты смеёшься надо мною? Я знаю, что наши убили твоего сына: убивай же меня скорей".

Тогда индеец сказал: „Когда тебя стали убивать, я вспомнил о своем сыне, и мне стало жаль тебя. Я не смеюсь: иди к своим и убивай нас, если хочешь". И индеец отпустил англичанина.

Три колача и одна баранка.

Одному мужику захотелось есть. Он купил колач и съел—ему все хотелось есть. Он купил другой колач и съел,—ему все еще хотелось есть. Он купил третий колач и съел,—и все ему еще хотелось есть. Потом он купил баранок и, когда съел одну, стал сыт. Тогда мужик ударил себя по голове и сказал:

„Экой я дурак! что ж я напрасно съел столько колачей!—Мне бы надо сначала съесть одну баранку".

Петр I и мужик.

Наехал царь Петр на мужика в лесу. Мужик дрова рубит.

Царь и говорит: „Божья помощь, мужик!"

Мужик и говорит: „И то мне нужна Божья помощь".

Царь спрашивает: „А велика у тебя семья?"

— У меня семьи два сына, да две дочери.

— Ну, не велико твое семейство. Куда ж ты деньги кладешь?

— А я деньги на три части кладу: во-первых,—долг плачу, в-других,—в долг даю, в-третьих,—в воду мечу.

Царь подумал и не знает, что это значит, что старик и долг платит, и в долг дает, и в воду мечет.

А старик говорит: „Долг плачу—отца-мать кормлю; в долг даю—сыновей кормлю; а в воду мечу—дочерей рощу".

Царь и говорит: „Умная твоя голова, старичок. Теперь выведи меня из лесу в поле, я дороги не найду". Мужик говорит: „Найдешь и сам дорогу; иди прямо, потом сверни вправо, а потом влево, а потом опять вправо".

Царь и говорит: „Я этой грамоты не понимаю, ты сведи меня".

— Мне, сударь, водить некогда; нам в крестьянстве день дорого стоит.

— Ну, дорого стоит, так я заплачу.

— А заплатишь,—пойдем.

Сели они на одноколку, поехали.

Стал дорогою царь мужика спрашивать: „Далече ли ты, мужичок, бывал?

— Кое-где бывал.

— А видал ли царя?

— Царя не видал, а надо б посмотреть.

— Так вот, как выедем в поле,—и увидишь царя.

— А как я его узнаю?

— Все без шапок будут, один царь в шапке.

Вот приехали они в поле. Увидал народ царя— все посняли шапки. Мужик пялит глаза, а не видит царя.

Вот он и спрашивает: „А где же царь?"

Говорит ему Петр Алексеевич: „Видишь, только мы двое в шапках—кто-нибудь из нас да царь".

Ровное наследство.

У одного купца было два сына. Старший был любимец отца, и отец всё своё наследство хотел отдать ему. Мать жалела меньшого сына и просила мужа не объявлять до времени сыновьям, как их разделят: она хотела как-нибудь сравнять двух сыновей. Купец её послушал и не объявлял своего решения.

Один раз мать сидела у окна и плакала; к окну подошёл странник и спросил, о чём она плачёт?

Она сказала: „Как мне не плакать: оба сына мне равны, а отец хочет одному сыну всё отдать, а другому ничего. Я просила мужа не объявлять своего решения сыновьям, пока я не придумаю, как помочь меньшому. Но денег у меня своих нет, и я не знаю, как помочь горю".

Странник сказал: „Твоему горю легко помочь; поди, объяви сыновьям, что старшему достанется всё богатство, а меньшому ничего, и у них будет поровну".

Меньшой сын, как узнал, что у него ничего не будет, ушёл в чужие страны и выучился мастерствам и наукам, а старший жил при отце и ничему не учился, потому что знал, что будет богат.

Когда отец умер, старший ничего не умел делать, прожил всё своё имение, а младший выучился наживать на чужой стороне и стал богат.

Прыжок.

Один корабль обошел вокруг света и возвращался домой. Была тихая погода, весь народ был на палубе. Посреди народа вертелась большая обезьяна и забавляла всех. Обезьяна эта корчилась, прыгала, делала смешные рожи, передразнивала людей, и видно было—она знала, что ею забавляются, и оттого еще больше расходилась.

Она подпрыгнула к 12-летнему мальчику, сыну капитана корабля, сорвала с его головы шляпу, надела и живо взо-

бралась на мачту. Все засмеялись, а мальчик остался без шляпы и сам не знал, смеяться ли ему или плакать.

Обезьяна села на первой перекладине мачты, сняла шляпу и стала зубами и лапами рвать ее. Она как будто дразнила мальчика, показывала на него и делала ему рожи. Мальчик погрозил ей и крикнул на нее, но она еще злее рвала шляпу. Матросы громче стали смеяться, а мальчик покраснел, скинул куртку и бросился за обезьяной на мачту. В одну минуту он взобрался по веревке на первую перекладину; но обезьяна еще ловчее и быстрее его, в ту самую минуту, как он думал схватить шляпу, взобралась еще выше.

„Так не уйдешь же ты от меня!“ закричал мальчик и полез выше. Обезьяна опять подманила его, полезла еще выше, но мальчика уже разобрал задор, и он не отставал. Так обезьяна и мальчик в одну минуту добрались до самого верха. На самом верху обезьяна вытянулась во всю длину и, зацепившись задней рукой [1]) за веревку, повесила шляпу на край последней перекладины, а сама взобралась на макушку мачты и оттуда корчилась, показывала зубы и радовалась. От мачты до конца перекладины, где висела шляпа, было аршина два, так что достать ее нельзя было иначе, как выпустить из рук веревку и мачту.

Но мальчик очень раззадорился. Он бросил мачту и ступил на перекладину. На палубе все смотрели и смеялись тому, что выделывали обезьяна и капитанский сын; но как увидали, что он пустил веревку и ступил на перекладину, покачивая руками, все замерли от страха.

Стоило ему только оступиться, и он бы вдребезги разбился о палубу. Да еслиб даже он и не оступился, а дошел до края перекладины и взял шляпу, то трудно было бы ему повернуться и дойти назад до мачты. Все молча смотрели на него и ждали, что будет.

Вдруг в народе кто-то ахнул от страха. Мальчик от этого крика опомнился, глянул вниз и зашатался.

В это время капитан корабля, отец мальчика, вышел

---

[1]) У обезьян 4 руки.

из каюты. Он нес ружье, чтобы стрелять чаек [1]). Он увидал сына на мачте, и тотчас же прицелился в сына и закричал: „В воду! прыгай сейчас в воду, застрелю!“ Мальчик шатался, но не понимал. „Прыгай или застрелю!.. Раз, два...“ и как только отец крикнул: „три“ — мальчик размахнулся головой вниз и прыгнул.

Точно пушечное ядро шлепнуло тело мальчика в море, и не успели волны закрыть его, как уже 20 молодцов матросов спрыгнули с корабля в море. Секунд через 40—они долги показались всем—вынырнуло тело мальчика. Его схватили и вытащили на корабль. Через несколько минут у него изо рта и из носа полилась вода, и он стал дышать.

Когда капитан увидал это, он вдруг закричал, как будто его что-то душило, и убежал к себе в каюту, чтобы никто не видал, как он плачет.

Вредный воздух.

В селе Никольском, в праздник, народ пошел к обедне. На барском дворе остались скотница, староста и конюх. Скотница пошла к колодцу за водой. Колодец был на самом дворе. Она вытащила бадью да не удержала. Бадья сорвалась, ударилась о стенку колодца и оторвала веревку. Скотница вернулась в избу и говорить старосте:

„Александр! слазяй, батюшка, в колодец,—я бадью упустила“. Александр сказал:

„Ты упустила, ты и доставай“. Скотница сказала, что она, пожалуй, сама полезет,— только, чтобы он спускал ее.

Староста посмеялся ей и сказал:

„Ну, пойдем. Ты теперь натощак, так я удержу: а после обеда и не удержать“.

Староста привязал палку к веревке, и баба верхом села на нее, взялась за веревку и стала слезать в колодец, а староста за колесо стал спускать ее. В колодце было всего

---

[1]) Морски птицы.

шесть аршин глубины, и только на аршин стояла вода. Староста спускал за колесо потихоньку и все спрашивал: „Еще, что ли?“ Скотница кричала оттуда: „Еще немного“.

Вдруг староста почувствовал, что веревка ослабла; он окликнул скотницу, но она не отвечала. Староста поглядел в колодец и увидел, что баба лежит в воде головой и кверху ногами. Староста стал кричать и звать народ; но никого не было. Пришел только один конюх. Староста велел ему держать колесо, а сам вытянул веревку, сел на палку и полез в колодец.

Только что конюх спустил старосту до воды, с старостой сделалось то же самое. Он бросил веревку и упал головой вниз на бабу. Конюх стал кричать, потом побежал в церковь за народом. Обедня отошла, и народ шел из церкви. Все мужики и бабы побежали к колодцу. Все столпились у колодца, и всякий кричал свое, но никто не знал, что делать. Молодой плотник Иван пробился сквозь толпу к колодцу, схватил веревку, сел на палку и велел себя спускать. Иван только привязал себя к веревке кушаком. Двое спускали его, а другие все смотрели в колодец, что будет с Иваном. Как только он стал доходить до воды, он бросил веревку руками и упал бы головой, но кушак держал его. Все закричали: „Тащи его назад!“—и Ивана вытащили.

Он, как мертвый, висел на кушаке, голова его тоже висела и билась о края колодца. Лицо было синебагровое. Его вынули, сняли с веревки и положили на землю. Думали, что он мертвый, но он вдруг тяжело дохнул, стал перхать и ожил.

Тогда хотели лезть еще, но один старый мужик сказал, что лазить нельзя, потому что в колодце дурной воздух и что этот дурной воздух убивает людей. Тогда мужики побежали за баграми и стали вытаскивать старосту и бабу. Старостина жена и мать голосили у колодца, другие их унимали, а мужики цепляли в колодце баграми и старались вытащить мертвых. Раза два они дотаскивали старосту до половины колодца за его платье; но он был тяжел, платье прорывалось, и он срывался. Наконец зацепили его за два

багра и вытащили. Потом вытащили и скотницу. Оба уже были совсем мертвые и не ожили.

Потом, когда стали осматривать колодец, то узнали, что, точно, внизу колодца был дурной воздух (углекислый газ).

Солдаткино житье.

Мы жили бедно на краю деревни. Была у меня мать, нянька (старшая сестра) и бабушка. Бабушка ходила в старом чупруне и худенькой панёве, а голову завязывала какой-то ветошкой, и под горлом у ней висел мешочек. Бабушка любила и жалела меня больше матери. Отец мой был в солдатах. Говорили про него, что он много пил и за то его отдали в солдаты. Я как сквозь сон помню, он приходил к нам на побывку. Изба наши была тесная и подпертая в середине рогулиной, и я помню, как я лазил на эту подпорку, оборвался и разбил себе лоб об лавку. И до сих пор метина эта осталась у меня на лбу.

В избе были два маленькие окна, и одно всегда было заткнуто ветошкой. Двор наш был тесный и раскрытый. В середине стояло старое корыто. На дворе была только одна старая кособокая лошадёнка; коровы у нас не было, были две плохонькие овчёнки и один ягнёнок. Я всегда спал с этим ягнёнком. Ели мы хлеб с водою. Работать у нас было некому; мать моя всегда жаловалась от живота а бабушка—от головы и всегда была около печки. Работала только одна моя нянька, и то в свою долю, а не в семью, покупала себе наряды и собиралась замуж.

Помню я, мать стала больнее, и потом родился у ней мальчик. Мамушку положили в сени. Бабушка заняла у соседа крупиц и послала дядю Нефёда за попом. А сестра пошла собирать народ на крестины.

Собрался народ, принесли три ковриги хлеба. Родня стала расставлять столы и покрывать скатертями. Потом принесли скамейки и ушат с водой. И все сели по местам. Когда приехал священник, кум с кумой стали впереди, а позади стала тётка Акулина с мальчиком. Стали молиться.

Потом вынули мальчика, и священник взял его и опустил в воду. Я испугался и закричал: „Дай мальчика сюда!“ Но бабушка рассердилась на меня и сказала: „Молчи, а то побью“.

Священник окунул его три раза и отдал тетке Акулине. Тетка завернула его в миткаль и отнесла к матери в сени.

Потом все сели за столы, бабушка наложила каши две чашки, налила постное масло и подала народу. Когда все наелись, вылезли из-за столов, поблагодарили бабушку и ушли.

Я пошёл к матери и говорю:

„Ма, как его зовут?“

Мать говорит: „Так же, как тебя“. Мальчик был худой; ножки, ручки у него были тоненькие, и он всё кричал. Когда ни проснешься ночью, он всё кричит, а мамушка всё баюкает, припевает. Сама кряхтит, а всё поет.

Один раз ночью я проснулся и слышу — мать плачет.

Бааушка встала и говорит: „Что ты, Христос с тобой!“

Мать говорит: „Мальчик помер“.

Бабушка зажгла огонь, обмыла мальчика, надела чистую рубашечку, подпоясала и положила под святые. Когда рассвело, бабушка вышла из избы и привела дядю Нефёда. Дядя принёс две старенькие тесинки и стал делать гробик. Сделал маленькое домовище и положил мальчика туда. Потом мать села к гробику и тонким голосом стала причитать и завыла. Потом дядя Нефёд взял гробик под мышку и понёс хоронить.

Только у нас и было радости, как мы няньку отдавали замуж. Приехали к нам раз мужики и принесли с собой ковригу хлеба и вина. И стали подносить свое вино матери. Мать выпила. Дядя Иван отрезал ломоть хлеба и подал ей. Я стоял подле стола, и мне захотелось хлебушка. Я нагнул мать и сказал ей на ухо. Мать засмеялась.— Дядя Иван говорит: „Что он, хлеоца?“—и отрезал мне большой ломоть. Я взял хлеб и ушел в чулан. А нянька сидела в чулане. Она стала меня спрашивать: „Что там

мужики говорят?“ Я сказал: „Вино пьют“. Она засмеялась и говорит: „Это они меня сватают за Кондрашку“.

Потом собрались играть свадьбу. Все встали рано. Бабушка топила печку, мать месила пироги, а тётка Акулина мыла говядину.

Нянька нарядилась в новые коты, надела сарафан красный и платок хороший и ничего не делала. Потом, когда истопили избу, мать тоже нарядилась, и пришло к нам много народа,—полная изба.

Потом подъехали к нашему двору три пары с колоколами. И на задней паре сидел жених Кондрашка в новом кафтане и в высокой шапке. Жених слез с телеги и пошел в избу. Надели на няньку новую шубу и вывели ее к жениху. Посадили жениха с невестой за стол, и бабы стали их величать. Потом вылезли из-за стола и вышли на двор. Кондрашка посадил няньку в телегу, а сам сел в другую. Все посажались в телеги, перекрестились и поехали. Я вернулся в избу и сел к окну ждать, когда свадьба вернется. Мать дала мне кусочек хлебца; я поел, да тут и заснул. Потом меня разбудила мать, говорит: „Едут!“—дала мне скалку и велела сесть за стол. Кондрашка с нянькой вошли в избу и за ними много народу, больше прежнего. И на улице был народ и все смотрели к нам в окна. Дядя Герасим был дружкою; он подошел ко мне и говорит: „Вылезай“. Я испугался и хотел лезть, а бабушка говорит: „Ты покажи скалку и скажи: а это что?“ Я так и сделал. Дядя Герасим положил денег в стакан и налил вина и подал мне. Я взял стакан и подал бабушке. Тогда мы вылезли, а они сели.

Потом стали подносить вино, студень, говядину; стали петь песни и плясать. Дяде Герасиму поднесли вина; он выпил немного и говорит: „Что-то вино горько“. Тогда нянька взяла Кондрашку за уши и стала его целовать. Долго играли песни и плясали, а потом все ушли, и Кондрашка повел няньку к себе домой.

После этого мы стали еще беднее жить. Продали лошадь и последних овец, и хлеба у нас часто не было. Мать ходила занимать у родных. Вскоре и бабушка по-

мерла. Помню я, как матушка по ней выла и причитала: „Уже родимая моя матушка! На кого ты меня оставила, горькую, горемычную? На кого покинула свое дитятко бесчастное? Где я ума-разума возьму? Как мне век прожить?“ И так она долго плакала и причитала.

Один раз пошёл я с ребятами на большую дорогу лошадей стеречь и вижу—идет солдат с сумочкой за плечами. Он подошел к ребятам и говорит: „Вы из какой деревни, ребята?“ Мы говорим: „Из Никольского“.—„А что, живет у вас солдатка Матрена?“ А я говорю: „Жива, она мне матушка“. Солдат поглядел на меня и говорит: „А отца своего видал?“ Я говорю: „Он в солдатах, не видал“. Солдат и говорит: „Ну, пойдем, проводи меня к Матрене, я ей письмо от отца привёз“. Я говорю: „Какое письмо?“ А он говорит: „Вот пойдем, увидишь“. — „Ну, что же, пойдем“.

Солдат пошел со мной, да так скоро, что я бегом за ним не поспевал. Вот пришли мы в свой дом. Солдат говорит: „Здравствуйте!“ Потом разделся, сел на конник и стал оглядывать избу и говорит: „Что же, у вас семьи только-то?“ Мать оробела и ничего не говорит, только смотрит на солдата. Он и говорит: „Где ж матушка?“—а сам заплакал. Тут мать подбежала к отцу и стала его целовать. И я тоже взлез к нему на колени и стал его обшаривать руками. А он перестал плакать и стал смеяться.

Потом пришел народ, и отец со всеми здоровался и рассказывал, что он теперь совсем по билету вышел.

Как пригнали скотину, пришла и нянька и поцеловалась с отцом. А отец и говорит: „Это чья же молодая бабочка?“ А мать засмеялась и говорит: „Свою дочь не узнал“. Отец позвал её еще к себе и поцеловал и спрашивал, как она живет. Потом мать ушла варить яичницу, а няньку послала за вином. Нянька принесла штофчик, заткнутый бумажкой, и поставила на стол. Отец и говорит: „Это что?“ А мать говорит: „Тебе вина“. А он говорит: „Нет уж, пятый год не пью; а вот яичницу подавай!“ Он сел за стол и стал есть. Потом он говорит: „Кабы я не бросил пить, я бы и унтерофицером не был, и домой бы ничего не принес, а теперь

слава Богу". Он достал в сумке кошель с деньгами и отдал матери. Мать обрадовалась, заторопилась и понесла хоронить.

Потом, когда все разошлись, отец лег спать на задней лавке и меня положил с собой, а мать легла у нас в ногах. И долго они разговаривали, почти до полуночи. Потом я уснул.

Поутру мать говорит: „Ох, дров-то у меня нет!". А отец говорит: „Топор есть?"—„Есть, да щербатый, плохой". Отец обулся, взял топор и вышел на двор. Я побежал за ним.

Отец сдернул с крыши жердь, положил на колоду, взмахнул топором, живо перерубил, принес в избу и говорит: „Ну, вот тебе и дрова, топи печь; а я нынче пойду—пищу купить избу да лесу на двор. Корову также купить надо".

Мать говорит: „Ох, денег много на все надо".

А отец говорит: „А работать будем. Вон мужик-то растет!" Отец показал на меня.

Вот отец поел хлебца, оделся и говорит матери: „А есть яички свежие, так испеки в золе к обеду". И пошёл со двора.

Отец долго не ворочался. Я стал проситься у матери за отцом. Она не пускала. Я хотел уйти, а мать не пустила меня и побила. Я сел на печку и стал плакать. Тут отец вошел в избу и говорит: „О чем плачешь?" Я говорю: „Я хотел за тобой бечь, а мать меня не пустила, да еще побила", и еще пуще заплакал. Отец засмеялся, подошел к матери и стал ее бить нарочно, а сам приговаривал: „Не бей Федьку, не бей Федьку!" Мать нарочно будто заплакала, отец засмеялся и говорит: „Вот вы с Федькой какие на слезы слабые, сейчас и плакать". Потом отец сел за стол, посадил меня с собой рядом и закричал: „Ну, теперь давай нам, мать, с Федюшкой обедать: мы есть хотим".

Мать дала нам каши и яиц, и мы стали есть. А мать говорит: „Ну, что же,—иструб?" А отец говорит: „Купил: восемдесять целковых, липовый, белый, как стекло. Вот дай срок, мужикам купим винца, они мне и свезут воскресным делом".

С тех пор мы стали хорошо жить.

Охота пуще неволи.

Мы были на охоте за медведями. Товарищу пришлось стрелять по медведю; он ранил его, да в мягкое место. Осталось немного крови на снегу, а медведь ушёл.

Мы сошлись в лесу и стали судить, как нам быть: итти ли теперь отыскивать этого медведя или подождать три дня, пока медведь уляжется.

Стали мы спрашивать мужиков-медвежатников, можно или нельзя обойти теперь этого медведя? Старик медвежатник говорит: „Нельзя, надо медведю дать остепениться; дней через пять обойти можно, а теперь за ним ходить—только напугаешь, он и не ляжет".

А молодой мужик-медвежатник спорил со стариком и говорил, что обойти теперь можно. „По этому снегу,—говорит,—медведь далеко не уйдет,—медведь жирный. Он нынче же ляжет. А не ляжет, так я его на лыжах догоню".

И товарищ мой тоже не хотел теперь обходить и советовал подождать.

Я и говорю: „Да что спорить. Вы делайте, как хотите, а я пойду с Демьяном по следу. Обойдем—хорошо, не обойдем—все равно делать нынче нечего, а еще не поздно".

Так и сделали.

Товарищи пошли к саням да в деревню, а мы с Демьяном взяли с собой хлеба и остались в лесу.

Как ушли все от нас, мы с Демьяном осмотрели ружья, подоткнули шубы за пояса и пошли по следу.

Погода была хорошая: морозно и тихо. Но ходьба на лыжах была трудная: снег был глубокий и праховый. Осадки снега в лесу не было, да еще снежок выпал накануне, так что лыжи уходили в снег на четверть, а где и больше.

Медвежий след издалека был виден. Видно было, как шёл медведь, как местами по брюхо проваливался и выворачивал снег. Мы шли сначала в виду от следа, крупным лесом; а потом, как пошел след в мелкий ельник, Демьян остановился. „Надо,—говорит,—бросать след. Должно быть, здесь ляжет. Присаживаться стал—на снегу видно. Пойдём

прочь от следа и круг дадим; только тише надо, не кричать, не кашлять, а то спугнешь".

Пошли мы прочь от следа, влево. Прошли шагов пятьсот, глядим—след медвежий опять перед нами. Пошли мы опять по следу, и вывел нас этот след на дорогу. Остановились мы на дороге и стали рассматривать, в какую сторону пошел медведь. Кое-где по дороге видно было, как всю лапу с пальцами отпечатал медведь, а кое-где—как в лаптях мужик ступал по дороге. Видно, что пошел он к деревне.

Пошли мы по дороге. Демьян и говорит: „Теперь смотреть нечего на дорогу; где сойдет с дороги вправо или влево, видно будет в снегу. Где-нибудь своротит, не пойдет же в деревню".

Прошли мы так по дороге с версту; видим впереди—след с дороги. Посмотрели—что за чудо! след медвежий, да не с дороги в лес, а из лесу на дорогу идет: пальцами к дороге. Я говорю: „Это другой медведь". Демьян посмотрел, подумал. „Нет,—говорит,—это он самый, только обманывать начал. Он задом с дороги сошел". Пошли мы по следу, так и есть. Видно, медведь прошёл с дороги шагов десять задом, зашел за сосну, повернулся и пошел прямо. Демьян остановился и говорит: „Теперь верно обойдем. Больше ему и лечь негде, как в этом болоте. Пойдем в обход".

Пошли мы в обход по частому ельнику. Я уж уморился, да и труднее стало ехать. То на куст можжевеловый наедешь, зацепишь, то промеж ног елочка подвернется, то лыжа свернется без привычки, то на пень, то на колоду наедешь под снегом. Стал я уже уставать. Снял я шубу, и пот с меня так и льет. А Демьян как в лодке плывет. Точно сами под ним лыжи ходят. Ни зацепит нигде, ни свернется. И мою шубу еще себе за плечи перекинул, и всё меня понукает.

Дали мы круг версты в три, обошли болото. Я уже отставать стал,—лыжи сворачиваются, ноги путаются. Остановился вдруг впереди меня Демьян и машет рукой. Я подо-

шёл. Демьян пригнулся, шепчет и показывает: „Видишь, сорока над ломом щекочет; птица издалече его дух слышит. Это он".

Взяли мы прочь, прошли ещё с версту и нашли опять на старый след. Так что мы кругом обошли медведя, и он в середине нашего обхода остался. Остановились мы. Я и шапку снял и расстегнулся весь: жарко мне, как в бане, весь, как мышь, мокрый. И Демьян раскраснелся, рукавом утирается. „Ну,—говорит,—барин, дело сделали, теперь отдохнуть надо".

А уж заря сквозь лес краснеться стала. Сели мы на лыжи отдыхать. Достали хлеб из мешка и соль; поел я сначала снегу, а потом хлеба. И такой мне хлеб вкусный показался, что я в жизнь такого не ел. Посидели мы: уж и смеркаться стало. Я спросил Демьяна, далеко ли до деревни. „Да верст 12 будет. Дойдем ночью, а теперь отдохнуть надо. Надевай-ка шубу, барин, а то остудишься".

Наломал Демьян ветвей еловых, обил снег, настлал кровать, и легли мы с ним рядышком, руки под головы подложили. И сам не помню я, как заснул. Проснулся я часа через два. Треснуло что-то.

Я так крепко спал, что и забыл, где заснул. Оглянулся я—что за чудо! Где я? Палаты какие-то белые надо мной, и столбы белые, и на всем блёстки блестят. Глянул вверх—разводы белые, а промеж разводов свод какой-то вороненый, и огни разноцветные горят. Огляделся я, вспомнил, что мы в лесу, и что это деревья в снегу и в инее мне за палаты показались, а огни—это звёзды на небе промеж сучьев дрожат.

В ночь иней выпал: и на сучьях иней, и на шубе моей иней, и Демьян весь под инеем, и сыплется сверху иней. Разбудил я Демьяна. Стали мы на лыжи и пошли. Тихо в лесу; только слышно, как мы лыжами по мягкому снегу посовываем, да кое-где треснет дерево от мороза, и по всему лесу голк раздается. Один раз только живое что-то зашумело близехонько от нас и прочь побежало. Я так и думал, что медведь. Подошли к тому месту, откуда зашумело, уви-

дали следы заячьи, и осинки обглоданы. Это зайцы кормились.

Вышли мы на дорогу, привязали лыжи за собой и пошли по дороге. Итти легко стало. Лыжи сзади по накатанной дороге раскатываются, громыхают, снежок под сапогами поскрипывает, холодный иней на лицо, как пушок, липнет. А звёзды вдоль по сучьям точно навстречу бегут, засветятся, потухнут,—точно всё небо ходуном ходит.

Товарищ спал,—я разбудил его. Мы рассказали, как обошли медведя, и велели хозяину к утру собрать загонщиков-мужиков. Поужинали и легли спать.

Я бы с усталости проспал до обеда, да товарищ разбудил меня. Вскочил я, смотрю: товарищ уже одет, с ружьем что-то возится.

„А где Демьян?“—„Он уже давно в лесу. Уж и обклад поверил, сюда прибегал; а теперь повёл загонщиков заводить“. Умылся я, оделся, зарядил свои ружья; сели в сани, поехали.

Мороз все держал крепкий, тихо было, и солнца не видать было; туман стоял наверху, и иней садился.

Проехали мы версты три по дороге, подъехали к лесу.

Видим: в низочке дымок синеет, и народ стоит,—мужики и бабы с дубинами.

Слезли мы, подошли к народу. Мужики сидят, картошку пекут, смеются с бабами.

И Демьян с ними. Поднялся народ, повел их Демьян расставлять кругом по нашему вчерашнему обходу. Вытянулись мужики и бабы ниткой, 30 человек—только по пояс их видно—зашли в лес; потом пошли мы с товарищем по их следу.

Дорожка хоть и натоптана, да тяжело итти; зато падать некуда,—как промежду двух стен идешь.

Прошли мы так с полверсты; смотрим: уж Демьян с другой стороны к нам бежит на лыжах, машет рукой, чтобы к нему шли.

Подошли мы к нему, показал нам места. Стал я на свое место, огляделся.

Налево от меня высокий ельник: сквозь него далёко видно; и за деревьями чернеется мне мужик-загонщик. Против меня частый, молодой ельник в рост человека, и на ельнике сучья повисли и слиплись от снега. В середине ельника дорожка, засыпанная снегом. Дорожка эта прямо на меня идет. Направо от меня частый ельник, а на конце ельника полянка. И на этой полянке, вижу я, что Демьян ставит товарища.

Осмотрел я свои два ружья, взвел курки и стал раздумывать, где бы мне получше стать. Сзади меня в трех шагах большая сосна. „Дай стану у сосны, и ружье другое к ней прислоню". Полез я к сосне, провалился выше колен, обтоптал у сосны площадку аршина в полтора и на ней устроился. Одно ружьё взял в руки, а другое со взведенными курками прислонил к сосне. Кинжал я вынул и вложил, чтобы знать, что в случае нужды он легко вынимается.

Только я устроился, слышу, кричит в лесу Демьян: „Пошел! в ход пошел! пошел!" И как закричал Демьян на кругу, закричали мужики разными голосами: „Пошёл! Ууу!.." кричали мужики. „Ай! И-их!" кричали бабы тонкими голосами.

Медведь был в кругу. Демьян гнал его. Кругом везде кричал народ, только я и товарищ стояли, молчали и не шевелились, ждали медведя. Стою я, смотрю, слушаю, сердце у меня так и стучит. Держусь за ружьё, подрагиваю. Вот-вот, думаю, выскочит, прицелюсь, выстрелю, упадет... Вдруг налево слышу я, в снегу обваливается что-то, только далеко. Глянул я на высокий ельник: шагах в 50, за деревьями, стоит что-то чёрное, большое. Приложился я и жду. Думаю, не подбежит ли ближе. Смотрю: шевельнул он ушами, повернулся и назад. С боку мне его всего видно стало. Здоровенный зверище. Нацелился я сгоряча. Хлоп!—слышу: шлепнулась о дерево моя пуля. Смотрю из-за дыма,—медведь мой назад катит в обклад и скрылся за лесом. Ну, думаю, пропало мое дело: теперь уже не набежит на меня; либо товарищу стрелять, либо через мужиков пойдет, а уж не на меня. Стою я, зарядил

опять ружьё и слушаю. Кричат мужики со всех сторон, но с правой стороны, недалеко от товарища, слышу, нечутем кричит какая-то баба: „Вот он! Вот он! Вот он! Сюда! Сюда! Ой, ой! Ай, ай, ай!“

Видно—на глазах медведь. Не жду уже я к себе медведя и гляжу направо, на товарища. Смотрю: Демьян с палочкой, без лыж, по тропинке бежит к товарищу; присел подле него и палкой указывает ему на что-то, как будто целится. Вижу: товарищ вскинул ружье, целится туда, куда показывает Демьян. Хлоп!—выпалил. „Ну,—думаю,—убил“. Только смотрю, не бежит товарищ за медведем. „Видно промах или плохо попал,—уйдет,—думаю,—теперь медведь назад, а ко мне уже не выскочит!“ Что такое? Впереди себя слышу вдруг—как вихрь летит кто-то, близехонько сыплется снег и пыхтит. Поглядел я перед собой: а он прямёхонько на меня по дорожке между частым ельником катит стремглав, и видно, со страху сам себя не помнит. Шагах от меня в пяти весь мне виден: грудь черная, и головища огромная с рыжинкой. Летит прямёхонько на меня лбом, и сыплется снег во все стороны. И вижу я по глазам медведя, что он не видит меня, а с испугу катит благим матом, куда попало. Только ход ему прямо на сосну, где я стою. Вскинул я ружьё, выстрелило,—а уже он еще ближе.—Вижу, не попал, пулю пронесло; а он и не слышит, катит на меня и всё не видит. Пригнул я ружье, чуть не упер в него, в голову. Хлоп!—вижу, попал, а не убил.

Приподнял он голову, прижал уши, осклабился и прямо ко мне. Хватился я за другое ружьё; но только взялся рукой, уж он налетел на меня, сбил с ног в снег и перескочил через меня. „Ну,—думаю,—хорошо, что он бросил меня“. Стал я подниматься, слышу—давит меня что-то, не пускает. Он с налету не удержался, перескочил через меня, да повернулся передом назад и навалился на меня всею грудью. Слышу я, лежит на мне тяжелое, слышу теплое над лицом и слышу, забирает он в пасть всё лицо мое. Нос мой уже у него во рту, и чую я—жарко и кровью от него пахнет. Надавил он меня лапами за плечи, и не могу

я шевельнуться. Только подгибаю голову к груди, из пасти нос и глаза выворачиваю. А он норовит как раз в глаза и нос зацепить. Слышу: зацепил он зубами верхней челюстью в лоб под волосами, а нижней челюстью в маслак под глазами, стиснул зубы, начал давить. Как ножами режут мне голову; бьюсь я, выдергиваюсь, а он торопится и как собака грызёт—жамкнет, жамкнет. Я вывернусь, он опять забирает. „Ну,—думаю,—конец мой пришёл". Слышу, вдруг полегчало на мне. Смотрю—нет его: соскочил он с меня и убежал.

Когда товарищ и Демьян увидали, что медведь сбил меня в снег и грызет, они бросились ко мне. Товарищ хотел поскорее поспеть, да ошибся; вместо того, чтобы бежать по протоптанной дорожке, он побежал целиком и упал. Пока он выкарабкивался из снега, медведь всё грыз меня. А Демьян, как был, без ружья, с одной хворостиной, пустился по дорожке, сам кричит: „Барина заел! Барина заел!" Сам бежит и кричит на медведя: „Ах, ты баломутный! Что делает! Брось! Брось!"

Послушался медведь, бросил меня и побежал. Когда я поднялся, на снегу крови было, точно барана зарезали, и над глазами лохмотьями висело мясо, а сгоряча больно не было.

Прибежал товарищ, собрался народ, смотрят мою рану, снегом примачивают. А я забыл про рану, спрашиваю: „Где медведь, куда ушел?" Вдруг слышим: „Вот он! вот он!" Видим: медведь бежит опять к нам. Схватились мы за ружья, да не поспел никто выстрелить,—уже он пробежал. Медведь остервенел,—хотелось ему еще погрызть, да увидал, что народу много, испугался. По следу мы увидали, что из медвежьей головы идет кровь; хотели итти догонять, но у меня разболелась голова, и поехали в город к доктору.

Доктор зашил мне раны шелком, и они стали заживать.

Через месяц мы поехали опять на этого медведя; но мне не удалось добить его. Медведь не выходил из обклада, а все ходил кругом и ревел страшным голосом. Демьян добил его. У медведя этого моим выстрелом была перебита нижняя челюсть и выбит зуб.

Медведь этот был очень велик, и на нем прекрасная черная шкура.

Я сделал из нее чучело, и оно лежит у меня в горнице. Раны у меня на лбу зажили, так что только чуть-чуть видно, где они были.

Кавказский пленник.

I.

Служил на Кавказе офицером один барин. Звали его Жилин.

Пришло раз ему письмо из дома. Пишет ему старуха мать: „Стара я уж стала, и хочется перед смертью повидать любимого сынка. Приезжай со мной проститься, похорони, а там и с Богом, поезжай опять на службу. А я тебе невесту приискала: и умная, и хорошая, и именье есть. Полюбится тебе, может, и женишься и совсем останешься".

Жилин и раздумался: „И в самом деле: плоха уж старуха стала; может и не прийдется увидать. Поехать; а если невеста хороша и жениться можно".

Пошёл он к полковнику, выправил отпуск, простился с товарищами, поставил своим солдатам четыре ведра водки на прощанье и собрался ехать.

На Кавказе тогда война была. По дорогам ни днем, ни ночью не было проезда. Чуть кто из русских отъедет или отойдёт от крепости, татары или убьют, или уведут в горы И было заведено, что два раза в неделю из крепости в крепость ходили провожатые солдаты. Спереди и сзади идут солдаты, а в середине едет народ.

Дело было летом. Собрались на зорьке обозы за крепость, вышли провожатые солдаты и тронулись по дороге. Жилин ехал верхом, а телега его с вещами шла в обозе.

Ехать было 25 верст. Обоз шел тихо: то солдаты остановятся, то в обозе колесо у кого соскочит, или лошадь станет, и все стоят—дожидаются.

Солнце уже и за полдни перешло, а обоз только половину дороги прошёл. Пыль, жара, солнце так и печет, и укрыться негде. Голая степь, ни деревца, ни кустика по дороге.

Выехал Жилин вперед, остановился и ждет, пока подойдет к нему обоз. Слышит, сзади на рожке заиграли,—опять стоять. Жилин и подумал: „А не уехать ли одному, без солдат? Лошадь подо мной добрая, если и нападусь на татар—ускачу. Или не ездить?..“

Остановился, раздумывает. И подъезжает к нему на лошади другой офицер, Костылин, с ружьем и говорит:

— Поедем, Жилин, одни. Мочи нет, есть хочется, да и жара. На мне рубаху хоть выжми.

А Костылин—мужчина грузный, толстый, весь красный, а пот с него так и льет. Подумал Жилин и говорит:

— А ружьё заряжено?

— Заряжено.

— Ну, так поедем. Только уговор—не разъезжаться.

И поехали они вперёд по дороге. Едут степью, разговаривают, да поглядывают по сторонам. Кругом далеко видно.

Только кончилась степь, пошла дорога промеж двух гор в ущелье. Жилин и говорит:

— Надо выехать на гору, поглядеть, а то тут, пожалуй выскочат из-за горы и не увидишь.

А Костылин говорит:

— Что смотреть? поедем вперед.

Жилин не послушал его.

— Нет,—говорит,—ты подожди внизу, а я только взгляну

И пустил лошадь налево, на гору. Лошадь под Жилиным была охотницкая (он за неё сто рублей заплатил в табуне жеребенком и сам выездил); как на крыльях взнесла его на кручь. Только выскакал, глядь, а перед самым им, на десятину места, стоят татары верхами,—человек тридцать. Он увидал, стал назад поворачивать, и татары его увидали, пустились к нему, сами на скаку выхватывают ружья из чехлов. Припустил Жилин под кручь во все лошадиные ноги, кричит Костылину:

— Вынимай ружье!—а сам думает на лошадь на свою: „Матушка, вынеси, не зацепись ногой, споткнешься—пропал. Доберусь до ружья, а им не дамся“.

А Костылин, заместо того, чтобы подождать, только увидал татар, — закатился что есть духу к крепости. Плеть

ожаривает лошадь то с того бока, то с другого. Только в пыли видно, как лошадь хвостом вертит.

Жилин видит—дело плохо. Ружьё уехало, с одной шашкой ничего не сделаешь. Пустил он лошадь назад к солдатам—думал уйти. Видит, ему наперерез катят шестеро. Под ним лошадь добрая, а под теми еще добрее, да и наперерез скачут. Стал он окорачивать, хотел назад поворотить, да уж разнеслась лошадь—не удержит, прямо на них летит. Видит—близится к нему с красной бородой татарин на сером коне. Визжит, зубы оскалил, ружье наготове.

„Ну,—думает Жилин,—знаю вас, чертей: если живого возьмут, посадят в яму, будут плетью пороть. Не дамся же живой“...

А Жилин хоть не велик ростом, а удал был. Выхватил шашку, пустил лошадь прямо на красного татарина, думает: „Либо лошадью сомну, либо срублю шашкой“.

На лошадь места не доскакал Жилин, выстрелили по нем сзади из ружей и попали в лошадь. Ударилась лошадь о земь со всего маху,—навалилась Жилину на ногу.

Хотел он подняться, а уж на нем два татарина вонючие сидят, крутят ему назад руки. Рванулся он, скинул с себя татар,—да еще соскакали с коней трое на него, начали бить прикладами по голове. Помутилось у него в глазах и зашатался. Схватили его татары, сняли с седел подпруги запасные, закрутили ему руки за спину, завязали татарским узлом, поволокли к седлу. Шапку с него сбили, сапоги стащили, все обшарили, деньги, часы вынули, платье все изорвали. Оглянулся Жилин на свою лошадь. Она, сердечная, как упала на бок, так и лежит, только бьется ногами, до земли недостаёт; в голове дыра, и из дыры так и свищет кровь черная,—на аршин кругом пыль смочила.

Один татарин подошёл к лошади, стал седло снимать. Она все бьется,—он вынул кинжал, прорезал ей глотку. Засвистело из горла, трепенулась и пар вон.

Сняли татары седло, сбрую. Сел татарин с красною бородой на лошадь, а другие подсадили Жилина к нему на седло, а чтобы не упал, притянули его ремнями за пояс к татарину и повезли в горы.

Сидит Жилин за татарином, покачивается, тычется лицом в вонючую татарскую спину. Только и видит перед собой здоровенную татарскую спину, да шею жилистую, да бритый затылок из-под шапки синеется. Голова у Жилина разбита, кровь запеклась над глазами. И нельзя ему ни поправиться на лошади, ни кровь обтереть. Руки так закручены, что в ключице ломит.

Ехали они долго с горы на гору, переехали в брод реку, выехали на дорогу и поехали лощиной.

Хотел Жилин примечать дорогу, куда его везут,—да глаза замазаны кровью, а повернуться нельзя.

Стало смеркаться. Переехали еще речку: стали подниматься по каменной горе, запахло дымом, забрехали собаки.

Приехали в аул[1]). Послезли с лошадей татары, собрались ребята татарские, окружили Жилина, пищат, радуются, стали камнями пулять в него.

Татарин отогнал ребят, снял Жилина с лошади и крикнул работника. Пришел ногаец скуластый, в одной рубахе. Рубаха оборванная, вся грудь голая. Приказал что-то ему татарин. Принёс татарин колодку: два чурбака дубовых на железные кольца насажены, и в одном кольце пробойчик и замок.

Развязали Жилину руки, надели колодку и повели в сарай: толкнули его туда и заперли дверь. Жилин упал на навоз. Полежал, ощупал в темноте, где помягче, и лег.

II.

Почти всю эту ночь не спал Жилин. Ночи короткие были. Видит в щёлке—светиться стало. Встал Жилин, раскопал щелку побольше, стал смотреть.

Видна ему из щёлки дорога—под гору идет, направо сакля татарская, два дерева подле нее. Собака черная лежит на пороге, коза с козлятами ходят, хвостиками подергивают. Видит—из-под горы идет татарка молоденькая, в рубахе цветной, распояской, в штанах и сапогах, голова кафтаном покрыта, а на голове большой кувшин жестяной с водой. Идет, в спине подрагивает, перегибается, а за руку

[1]) Татарская деревня.

татарчёнка ведет бритого, в одной рубашке. Прошла татарка в саклю с водой, вышел татарин вчерашний с красной бородой, в бешмете шёлковом, на ремне кинжал серебряный, в башмаках на босу ногу. На голове шапка высокая, баранья, черная, назад заломлена. Вышел, потягивается, бородку красную сам поглаживает. Постоял, велел что-то работнику и пошел куда-то.

Проехали потом на лошадях двое ребят к водопою. У лошадей храп мокрый. Выбежали еще мальчишки бритые, в одних рубашках, без порток, собрались кучкой, подошли к сараю, взяли хворостину и суют в щёлку. Жилин как ухнет на них: завизжали ребята, закатились бежать прочь, только коленки голые блестят.

А Жилину пить хочется, в горле пересохло; думает—хоть бы пришли проведать. Слышит—отпирают сарай. Пришёл красный татарин, а с ним другой, поменьше ростом, черноватенький. Глаза чёрные, светлые, румяный, бородка маленькая, подстрижена: лицо весёлое, все смеется. Одет черноватый еще лучше: бешмет шелковый, синий, галунчиком обшит. Кинжал на поясе большой серебряный; башмачки красные, сафьянные, тоже серебром обшиты. А на тонких башмачках другие толстые башмаки. Шапка высокая, белого барашка.

Красный татарин вошёл, проговорил что-то, точно ругается, и стал; облокотился на притолоку, кинжалом пошевеливает, как волк исподлобья косится на Жилина. А черноватый,—быстрый, живой, так весь на пружинах и ходит,—подошёл прямо к Жилину, сел на корточки, оскаливается, потрепал его по плечу, что-то начал часто-часто по-своему лопотать, глазами подмигивает, языком прищёлкивает, все приговаривает: „Корошо, урус! корошо, урус!“

Ничего не понял Жилин и говорит: „Пить, воды пить дайте“.

Черный смеется. „Корош урус“,—все по-своему лопочет.

Жилин губами и руками показал, чтобы пить ему дали.

Чёрный понял, засмеялся, выглянул в дверь, кликнул кого-то: „Дина!“

Прибежала девочка—тоненькая, худенькая, лет трина-

дцати и лицом на черного похожа. Видно, что дочь. Тоже — глаза чёрные, светлые и лицом красивая. Одета в рубаху длинную, синюю, с широкими рукавами и без пояса. На полах, на груди и на рукавах оторочено красным. На ногах штаны и башмачки, а на башмачках другие с высокими каблуками, на шее монисто, все из русских полтинников. Голова непокрытая, коса черная, и в косе лента, а на ленте привешены бляхи и рубль серебряный.

Велел ей что-то отец. Убежала и опять пришла, принесла кувшинчик жестяной. Подала воду, сама села на корточки, вся изогнулась так, что плечи ниже колен ушли. Сидит, глаза раскрыла, глядит на Жилина, как он пьет, как на зверя какого.

Подал ей Жилин назад кувшин. Как она прыгнет прочь, как коза дикая. Даже отец засмеялся. Послал ее еще куда-то. Она взяла кувшин, побежала, принесла хлеба пресного на дощечке круглой, и опять села, изогнулась, глаз не спускает—смотрит.

Ушли татары, заперли опять двери.

Погодя немного, приходит к Жилину ногаец и говорит: „Ай-да! хозяин, ай-да!“

Тоже не знает по-русски. Только понял Жилин, что велит итти куда-то.

Пошёл Жилин с колодкой, хромает, ступить нельзя, так и воротит ногу в сторону. Вышел Жилин за ногайцем. Видит—деревня татарская, домов десять, и церковь ихняя, с башенкой. У одного дома стоят три лошади в седлах. Мальчишки держат в поводу. Выскочил из этого дома черноватый татарин, замахал рукой, чтобы к нему шёл Жилин. Сам смеется, все говорит что-то по-своему, и ушел в дверь. Пришёл Жилин в дом. Горница хорошая, стены глиной гладко вымазаны. К передней стене пуховики пёстрые уложены, по бокам висят ковры дорогие; на коврах ружья, пистолеты, шашки, все в серебре. В одной стене печка маленькая вровень с полом. Пол земляной, чистый, как ток, и весь передний угол устлан войлоками; на войлоках ковры, а на коврах пуховые подушки. И на коврах в одних башмаках сидят татары: черный, красный и трое гостей. За спи-

нами у всех пуховые подушки подложены, а перед ними на круглой дощечке блины просяные, и масло коровье распущено в чашке, и пиво, татарское—буза, в кувшинчике. Едят руками, и руки все в масле.

Вскочил чёрный, велел посадить Жилина в сторонке, не на ковер, а на голый пол, залез опять на ковер, угощает гостей блинами и бузой. Посадил работник Жилина на место, сам снял верхние башмаки, поставил у двери рядком, где и другие башмаки стояли, и сел на войлок поближе к хозяевам: смотрит, как они едят, слюни утирает. Поели татары блины, пришла татарка в рубахе такой же, как и девка, и в штанах; голова платком покрыта.

Унесла масло, блины, подала лоханку хорошую и кувшин с узким носком. Стали мыть руки татары, потом сложили руки, сели на колени, подули на все стороны и молитвы прочли. Поговорили по-своему. Потом один из гостей татар повернулся к Жилину, стал говорить по-русски.

— Тебя,—говорит,—взял Кази-Мугамед,—сам показывает на красного татарина,—и отдал тебя Абдул-Мурату,—показывает на черноватого.—Абдул-Мурат теперь твой хозяин.

Жилин молчит.

Заговорил Абдул-Мурат и всё показывает на Жилина, и смеется и приговаривает: „Солдат урус, корошо урус".

Переводчик говорит: „Он тебе велит домой письмо писать, чтоб за тебя выкуп прислали. Как пришлют деньги, он тебя пустит".

Жилин подумал и говорит: „А много ли он хочет выкупа?"

Поговорили татары, переводчик и говорит:

— Три тысячи монет.

— Нет,—говорит Жилин,—я этого заплатить не могу.

Вскочил Абдул, начал руками махать, что-то говорит Жилину,—всё думает, что он поймет. Перевел переводчик, говорит: „Сколько же ты дашь?"

Жилин подумал и говорит: „500 рублей".

Тут татары заговорили часто, все вдруг. Начал Абдул кричать на красного, залопотал так, что слюни изо рта брызжут. А красный только жмурится да языком пощелкивает.

Замолчали они; переводчик и говорит:

— Хозяину выкупу мало 500 рублей. Он сам за тебя 200 рублей заплатил. Ему Кази-Мугамед был должен. Он тебя за долг взял. Три тысячи рублей, меньше нельзя пустить. А не напишешь, в яму посадят, наказывать будут плетью.

„Эх,—думает Жилин,—с ними, что робеть, то хуже“. Вскочил на ноги и говорит:

— А ты ему, собаке, скажи, что если он меня пугать хочет, так ни копейки же не дам, да и писать не стану. Не боялся, да и не буду бояться вас, собак!

Пересказал переводчик, опять заговорили все вдруг.

Долго лопотали, вскочил чёрный, подошел к Жилину.

— Урус,—говорит,—джигит, джигит урус!

Джигит, по-ихнему, значит „молодец“. И сам смеется; сказал что-то переводчику, а переводчик говорит:

— Тысячу рублей дай.

Жилин стал на своем: „Больше 500 рублей не дам. А убьёте,—ничего не возьмёте“.

Поговорили татары, послали куда-то работника, а сами то на Жилина, то на дверь поглядывают. Пришёл работник, и идет за ним человек какой-то, толстый, босиком и ободранный, на ноге тоже колодка.

Так и ахнул Жилин,—узнал Костылина. И его поймали. Посадили их рядом; стали они рассказывать друг другу, а татары молчат, смотрят. Рассказал Жилин, как с ним дело было; Костылин рассказал, что лошадь под ним стала, и ружьё осеклось, и что этот самый Абдул нагнал его и взял.

Вскочил Абдул, показывает на Костылина, что-то говорит. Перевёл переводчик, что они теперь оба одного хозяина, и кто прежде деньги даст, того прежде отпустят.

— Вот,—говорит Жилину,—ты все серчаешь, а товарищ твой смирный; он написал письмо домой, пять тысяч монет пришлют. Вот его и кормить будут хорошо и обижать не будут.

Жилин и говорит:

— Товарищ как хочет; он, может, богат, а я не богат. Я, говорит, как сказал, так и будет. Хотите убивайте,— пользы вам не будет, а больше 500 р. не напишу.

Помолчали. Вдруг как вскочит Абдул, достал сундучок, вынул перо, бумаги лоскут и чернила, сунул Жилину, хлопнул по плечу, показывает: „пиши“. Согласился на 500 рублей.

— Погоди ещё,—говорит Жилин переводчику,—скажи ты ему, чтоб он нас кормил хорошо, одел, обул, как следует, чтобы держал вместе, нам веселей будет, и чтобы колодку снял.

Сам смотрит на хозяина и смеётся. Смеётся и хозяин Выслушал и говорит:

— Одежду самую лучшую дам: и черкеску, и саноги, хоть жениться. Кормить буду, как князей. А коли хотят жить вместе—пускай живут в сарае. А колодку нельзя снять—уйдут. На ночь только снимать буду. Подскочил, треплет по плечу.—Твоя хорош, моя хорош!

Написал Жилин письмо, а на письме не так написал,—чтобы не дошло. Сам думает: „Я уйду“.

Отвели Жилина с Костылиным в сарай, принесли им туда соломы кукурузной, воды в кувшине, хлеба, две черкески старые и сапоги истрепанные, солдатские. Видно, с убитых солдат стащили. На ночь сняли с них колодки и заперли в сарай.

III.

Жил так Жилин с товарищем месяц целый. Хозяин все смеется: „Твоя, Иван, хорош,—моя, Абдул, хорош“. А кормил плохо,—только и давал, что хлеб пресный из просяной муки, лепешками печёный, а то вовсе тесто непечёное.

Костылин еще раз писал домой, все ждал присылки денег и скучал. По целым дням сидит в сарае и считает дни, когда письмо придет, или спит. А Жилин знал, что его письмо не дойдёт, а другого не писал.

„Где,—думает,—матери столько денег взять, за меня заплатить. И то она тем больше жила, что я посылал ей. Если ей 500 рублей собрать, надо разориться вконец. Бог даст—и сам выберусь“.

А сам все высматривает, выпытывает, как ему бежать. Ходит по аулу, насвистывает; а то сидит, что-нибудь рукодельничает, или из глины кукол лепит, или плетет плетенки из прутьев. А Жилин на всякое рукоделье мастер был.

Слепил он раз куклу, с носом, с руками, с ногами и в татарской рубахе, и поставил куклу на крышу.

Пошли татарки за водой. Хозяйская дочь, Динка, увидала куклу, позвала татарок. Составили кувшины, смотрят, смеются. Жилин снял куклу, подает им. Они смеются, а не смеют взять. Оставил он куклу, ушел в сарай и смотрит, что будет.

Подбежала Дина, оглянулась, схватила куклу и убежала.

На утро смотрит, на зорьке Дина вышла на порог с куклой. А куклу уж лоскутами красными убрала и качает, как ребёнка, сама по-своему прибаюкивает. Вышла старуха, забранилась на нее, выхватила куклу, разбила ее, услала куда-то Дину на работу.

Сделал Жилин другую куклу еще лучше,—отдал Дине. Принесла раз Дина кувшинчик, поставила, села и смотрит на него, сама смеется, показывает на кувшин.

„Чего она радуется?“ думает Жилин. Взял кувшин, стал пить. Думал вода, а там молоко. Выпил он молоко,—„хорошо“, говорит. Как взрадуется Дина.

— Хорошо, Иван, хорошо! —и вскочила, забила в ладоши, вырвала кувшинчик и убежала.

И с тех пор стала она ему каждый день, крадучи, молоко носить. А то делают татары из козьего молока лепешки сырные и сушат их на крышах,—так она эти лепешки ему тайком принашивала. А то раз резал хозяин барана,—так она ему кусок баранины принесла в рукаве. Бросит и убежит.

Была раз гроза сильная, и дождь час целый, как из ведра, лил. И помутились все речки, где брод был, там на три аршина вода пошла, камни ворочает. Повсюду ручьи текут, гул стоит по горам. Вот как прошла гроза, везде по деревне ручьи бегут. Жилин выпросил у хозяина ножик, вырезал валик, дощечки, колесо оперил, а к колесу на двух концах кукол приделал.

Принесли ему девчонки лоскутков,—одел он кукол: одна—мужик, другая—баба; утвердил их, поставил колесо на ручей. Колесо вертится, а куклы прыгают.

Собралась вся деревня: мальчишки, девчонки, бабы; и татары пришли, языком щелкают:

— Ай, урус! ай, Иван!

Были у Абдула часы русские, сломанные. Позвал он Жилина, показывает, языком щелкает. Жилин говорит:

— Давай, починю.

Взял, разобрал ножичком, разложил: опять сладил, отдал. Идут часы.

Обрадовался хозяин, принёс ему бешмет свой старый, весь в лохмотьях, подарил. Нечего делать, взял,—и то годится прикрыться ночью.

С тех пор прошла про Жилина слава, что он мастер. Стали к нему из дальних деревень приезжать: кто замок на ружьё или пистолет починить принесет, кто часы. Привез ему хозяин снасть: и щипчики, и буравчик, и подпилочек.

Заболел раз татарин, пришли к Жилину: „Поди, полечи". Жилин ничего не знает, как лечить. Пошел, посмотрел, думает: „Авось поздоровеет сам". Ушел в сарай, взял воды, песку, помешал. При татарах нашептал на воду, дал выпить. Выздоровел на его счастье татарин. Стал Жилин немножко понимать по-ихнему. И которые татары привыкли к нему,—когда нужно кличут: „Иван, Иван!", а которые все, как на зверя, косятся.

Красный татарин не любил Жилина. Как увидит—нахмурится и прочь отвернется, либо обругает. Был еще у них старик. Жил он не в ауле, а приходил из-под горы. Видал его Жилин только, когда он в мечеть приходил Богу молиться. Он был ростом маленький, на шапке у него белое полотенце обмотано, бородка и усы подстрижены,—белые, как пух; а лицо сморщенное и красное, как кирпич. Нос крючком, как у ястреба, а глаза серые, злые и зубов нет,—только два клыка. Идет бывало в чалме своей, костылём подпирается, как волк озирается. Как увидит Жилина, так захрапит и отвернётся.

Пошел раз Жилин под гору—посмотреть, где живет старик. Сошёл по дорожке, видит садик, ограда каменная; из-за ограды — черешни, шепталы и избушка с плоскою

крышкой. Подошёл он поближе: видит—ульи стоят плетёные из соломы, и пчёлы летают, гудят. И старик стоит на коленочках, что-то хлопочет у улья. Поднялся Жилин повыше, посмотреть, и загремел колодкой. Старик оглянулся—как визгнет; выхватил из-за пояса пистолет, в Жилина выпалил. Чуть успел за камень притулиться.

Пришел старик к хозяину жаловаться. Позвал хозяин Жилина, сам смеётся и спрашивает:

— Зачем ты к старику ходил?

— Я,—говорит,—ему худого не сделал. Я хотел посмотреть, как он живет,—передал хозяин.

А старик злится, шипит, что-то лопочет, клыки свои выставил, махает руками на Жилина.

Жилин не понял всего; но понял, что старик велит хозяину убить русских, а не держать их в ауле. Ушел старик.

Стал Жилин спрашивать хозяина: что это за старик? Хозяин и говорит:

— Это большой человек! Он первый джигит был, он много русских побил, богатый был. У него было три жены и восемь сынов. Все жили в одной деревне. Пришли русские, разорили деревню, и семь сыновей убили. Один сын остался и передался русским. Старик поехал и сам передался русским. Пожил у них три месяца, нашел там своего сына, сам убил его и бежал. С тех пор он бросил воевать, пошёл в Мекку—Богу молиться. От этого у него чалма. Кто в Мекке был, тот называется хаджи, и чалму надевает. Не любит он вашего брата. Он велит тебя убить; да мне нельзя убить, — я за тебя деньги заплатил; да я тебя, Иван, полюбил; я тебя не то, что убить, я бы тебя и выпускать не стал,—кабы слова не дал.—Смеется, сам приговаривает по-русски:—твоя, Иван, хорош, моя, Абдул, хорош!

IV.

Прожил так Жилин месяц. Днём ходит по аулу или рукодельничает, а как ночь придёт, затихнет в ауле, так он у себя в сарае копает. Трудно было копать от камней, да он подпилком камни тер, и прокопал он под стеной дыру, что-

впору пролезть. „Только бы, — думает, — мне место хорошенько узнать, в какую сторону итти. Да не сказывают никто татары".

Вот он выбрал время, как хозяин уехал; пошёл после обеда за аул на гору, — хотел оттуда место посмотреть. А когда хозяин уезжал, он приказал малому за Жилиным ходить, с глаз его не спускать. Бежит малый за Жилиным, кричит:

— Не ходи! Отец не велел. Сейчас народ позову!

Стал его Жилин уговаривать.

— Я, — говорит, — далеко не уйду, — только на ту гору поднимусь: мне траву нужно найти, — ваш народ лечить. Пойдем со мной; я с колодкой не убегу. А тебе завтра лук сделаю и стрелы.

Уговорил малого, пошли. Смотреть на гору — недалеко, а с колодкой трудно; шел-шел, насилу взобрался. Сел Жилин, стал место разглядывать. На полдни, за сараи, лощина, табун ходит, и аул другой в низочке виден. От аула другая гора — ещё круче, а за той горой ещё гора. Промеж гор лес синеется, а там еще горы все выше и выше поднимаются. А выше всех, белые, как сахар, горы стоят под снегом. И одна снеговая гора выше других шапкой стоит. На восход и на закат — все такие же горы; кое-где аулы дымятся в ущельях. „Ну, — думает, — и это все ихняя сторона". Стал смотреть в русскую сторону: под ногами речка, аул свой, садики кругом. На речке, как куклы маленькие, видно, — бабы сидят, полоскают. За аулом, пониже, гора, и чрез нее еще две горы, по ним лес, а промеж двух гор синеется ровное место, а на ровном месте, далеко-далеко, точно дым стелется. Стал Жилин вспоминать, когда он в крепости дома жил, где солнце всходило и где заходило. Видит: там точно, в этой долине должна быть наша крепость. Туда, промеж этих двух гор, и бежать надо.

Стало солнышко закатываться. Стали снеговые горы из белых алые; в чёрных горах потемнело: из лощин пар поднялся, и самая та долина, где крепость наша должна быть, как в огне загорелась от заката. Стал Жилин вгля-

дываться,—маячит что-то в долине, точно дым из труб. И так и думается ему, что это самое—крепость русская.

Уж поздно стало. Слышно—мулла прокричал. Стадо гонят—коровы ревут. Малый все зовет: „пойдем“, а Жилину и уходить не хочется.

Вернулись они домой. „Ну,—думает Жилин,—теперь место знаю; надо бежать“. Хотел он бежать в ту же ночь. Ночи были тёмные, ущерб месяца. На беду к вечеру вернулись татары. Бывало, приезжают они—гонят с собою скотину, и приезжают веселые. А на этот раз ничего не пригнали, и привезли на седле своего убитого татарина, брата рыжего. Приехали сердитые, собрались все хоронить. Вышел и Жилин посмотреть. Завернули мёртвого в полотно, без гроба, вынесли под чинары за деревню, положили на траву. Пришел мулла, собрались старики, полотенцами повязали шапки, разулись, сели рядком на пятки перед мёртвым.

Спереди мулла, сзади три старика в чалмах, рядком, а сзади их ещё татары. Сели, потупились и молчат. Долго молчали. Поднял голову мулла и говорит:

— Алла (значит Бог).—Сказал это одно слово, и опять потупились и долго молчали; сидят, не шевелятся. Опять поднял голову мулла:

— Алла!—и все проговорили:—Алла!—и опять замолчали.

Мёртвый лежит на траве, не шелохнется, а они сидят, как мертвые. Не шевельнется ни один. Только слышно—на чинаре листочки от ветерка поворачиваются. Потом прочел мулла молитву, все встали, подняли мёртвого на руки, понесли. Принесли к яме. Яма вырыта не простая, а подкопана под землю, как подвал. Взяли мертвого под мышки да под лытки, перегнули, спустили полегонечку, подсунули сидьмя под землю, заправили ему руки на живот.

Притащил ногаец камышу зеленого, заклали камышем яму, живо засыпали землей, сравняли, а в головы к мертвецу камень стоймя поставили. Утоптали землю, сели опять рядком перед могилкой. Долго молчали.

— Алла! Алла! Алла!—Вздохнули и встали. Роздал рыжий денег старикам, потом встал, взял плеть, ударил себя три раза по лбу и пошёл домой.

На утро видит Жилин, ведет красный кобылу за деревню, а за ним трое татар идут. Вышли за деревню, снял рыжий бешмет, засучил рукава, ручищи здоровые,—вынул кинжал, поточил на бруске. Задрали татары кобыле голову кверху, подошёл рыжий, перерезал глотку, повалил кобылу и начал свежевать—кулачищами шкуру подпарывает. Пришли бабы, девки, стали мыть кишки и нутро. Разрубили потом кобылу, стащили в избу. И вся деревня собралась к рыжему поминать покойника.

Три дня ели кобылу, бузу пили, покойника поминали. Все татары дома были. На четвертый день, видит Жилин, в обед куда-то собираются. Привели лошадей, убрали и поехали человек десять, и красный поехал; только Абдул дома остался. Месяц только народился, ночи еще тёмные были.

„Ну,—думает Жилин,—нынче бежать надо", и говорит Костылину. А Костылин заробел.

— Да как же бежать?—мы и дороги не знаем.

— Я знаю дорогу.

— Да и не дойдем в ночь.

— А не дойдем, в лесу переночуем. Я вот лепешек набрал. Что ж ты будешь сидеть? Хорошо, пришлют денег а то ведь и не соберут. А татары теперь злые за то, что русские ихнего убили. Поговаривают,—нас убить хотят.

Подумал-подумал Костылин.

— Ну, пойдем!

V.

Полез Жилин в дыру, раскопал пошире, чтобы и Костылину пролезть; и сидят они,—ждут, чтобы затихло в ауле.

Только затих народ в ауле, Жилин полез под стену, выбрался. Шепчет Костылину: „Полезай". Полез и Костылин, да зацепил камень ногой, загремел. А у хозяина сторожка была пестрая собака и злая-презлая: звали ее Уляшин. Жилин уже наперед прикормил ее. Услыхал Уляшин,—забрехал и канулся, а за ним и другие собаки. Жилин чуть свистнул, кинул лепешки кусок, Уляшин узнал, замахал хвостом и перестал брехать.

Хозяин услыхал, загайкал из сакли: „Гайть! гайть! Уляшин!“

А Жилин за ушами почёсывает Уляшина. Молчит собака, трется ему об ноги, хвостом машет.

Посидели они за углом. Затихло всё; только слышно, овца перхает в закуте, да низом вода по камешкам шумит. Темно; звезды высоко стоят на небе; над горой молодой месяц закраснелся, кверху рожками заходит. В лощинах туман, как молоко, белеется.

Поднялся Жилин, говорит товарищу: „Ну, брат, айда!“

Тронулись; только отошли, слышат—запел мулла на крыше: „Алла! Бесмилла! Ильрахман!“ Значит—пойдет народ в мечеть. Сели опять, притаившись под стенкой. Долго сидели, дожидались, пока народ пройдет. Опять затихло.

— Ну, с Богом!

Перекрестились, пошли. Прошли через двор под кручь к речке, перешли речку, пошли лощиной. Туман густой, да низом стоит, а над головой звезды виднёшеньки. Жилин по звёздам примечает, в какую сторону итти. В тумане свежо, итти легко, только сапоги не ловки—стоптались. Жилин снял свои, бросил, пошёл босиком. Попрыгивает с камешка на камешек, да на звёзды поглядывает. Стал Костылин отставать.

— Тише,—говорит,—иди: сапоги, проклятые, все ноги стерли.

— Да ты сними, легче будет.

Пошел Костылин босиком,—еще того хуже: изрезал все ноги по камням, и все отстает. Жилин ему говорит:

— Ноги обдерешь—заживут, а догонят—убьют,—хуже.

Костылин ничего не говорит, идет, покряхтывает. Шли они низом долго. Слышат—вправо собаки забрехали. Жилин остановился, осмотрелся, полез на гору, руками ощупал.

— Эх,—говорит,—ошиблись мы,—вправо забрали. Тут аул чужой, я его с горы видел; назад надо влево, в гору. Тут лес должен быть.

А Костылин говорит:

— Подожди хоть немножко, дай вздохнуть, — у меня ноги в крови все.

— Э, брат, зажнвут; ты легче прыгай. Вот как.

И побежал Жилин назад, влево в гору, в лес. Костылин все отстает и охает. Жилин шикнет на него, а сам всё идет.

Поднялись на гору. Так и есть—лес. Вошли в лес,—по колючкам изодрали всё платье последнее. Напали на дорожку в лесу. Идут.

— Стой!—Затопало копытами по дороге. Остановились, слушают. Потопало, как лошадь, и остановилось. Тронулись они, опять затопало. Они остановятся—и оно остановится. Подполз Жилин, смотрит на свет по дороге,—стоит что-то. Лошадь не лошадь, и на лошади что-то чудное, на человека не похоже. Фыркнуло—слышит. „Что за чудо!“ Свистнул Жилин потихоньку,—как шаркнет с дороги в лес и затрещало по лесу, точно буря летит, сучья ломает.

Костылин так и упал со страху. А Жилин смеется, говорит:

— Это олень. Слышишь—как рогами лес ломит. Мы его боимся, а он нас боится.

Пошли дальше. Уж высоко жары спускаться стали, до утра недалеко. А туда ли идут, нет ли,—не знают. Думается так Жилину, что по этой самой дороге его везли, и что до своих—верст десять еще будет; а приметы верной нет, да и ночью не разберешь. Вышли на полянку. Костылин сел и говорит.

— Как хочешь, а я не дойду,—у меня ноги не идут.

Стал его Жилин уговаривать.

— Нет,—говорит,—не дойду, не могу.

Рассердился Жилин, плюнул, обругал его.

— Так я же один уйду,—прощай!

Костылин вскочил, пошёл. Прошли они версты четыре. Туман в лесу еще гуще сел, ничего не видать перед собой, и звёзды уж чуть видны.

Вдруг слышат, впереди топает лошадь. Слышно—подковами за камни цепляется. Лег Жилин на брюхо, стал по земле слушать.

— Так и есть,—сюда к нам конный едет.

Сбежали они с дороги, сели в кусты и ждут. Жилин подполз к дороге, смотрит—верховой татарин едет, корову гонит, сам себе под нос мурлычит что-то. Проехал татарин. Жилин вернулся к Костылину.

— Ну, пронёс Бог,—вставай, пойдем.

Стал Костылин вставать и упал.

— Не могу,—ей-Богу, не могу; сил моих нет.

Мужчина грузный, пухлый, запотел; да как обхватило его в лесу туманом холодным, да ноги ободраны,—он и рассолодел. Стал его Жилин силой поднимать. Как закричит Костылин:

— Ой, больно!

Жилин так и обмер.

— Что кричишь? Ведь татарин близко,—услышит. А сам думает: „Он и вправду расслаб; что мне с ним делать? Бросить товарища не годится".

— Ну,—говорит,—вставай, садись на закорки, снесу, коли уж итти не можешь.

Посадил на себя Костылина, подхватил руками под ляжки, вышел на дорогу, поволок.

— Только,—говорит,—не дави ты меня руками за глотку, ради Христа. За плечи держись.

Тяжело Жилину,—ноги тоже в крови и уморился. Нагнется, подправит, подкинет, чтоб повыше сидел на нем Костылин, тащит его по дороге.

Видно, услыхал татарин, как Костылин закричал. Слышит Жилин, едет кто-то сзади, кличет по-своему. Бросился Жилин в кусты. Татарин выхватил ружье, выпалил,—не попал, завизжал по-своему и поскакал прочь по дороге.

— Ну,—говорит Жилин,—пропали, брат! Он, собака, сейчас соберет татар за нами в погоню. Коли не уйдем версты три,—пропали.—А сам думает на Костылина: „И чорт меня дернул колоду эту с собой брать. Один я бы давно ушёл".

Костылин говорит: „Иди один, за что тебе из-за меня пропадать".

— Нет, не пойду, не годится товарища бросать.

Подхватил опять на плечи, попер. Прошёл он так с вер-

сту. Всё лес идет и не видать выхода. А туман уж расходиться стал, и как будто тучки заходить стали, не видать уж звёзд. Измучился Жилин.

Пришёл, у дороги родничок, камнем обделан. Остановился, ссадил Костылина.

— Дай,—говорит,—отдохну, напьюсь. Лепешек поедим. Должно-быть, недалеко.

Только прилег он пить, слышит—затопало сзади. Опять кинулись вправо, в кусты, под кручь, и легли.

Слышат голоса татарские: остановились татары на том самом месте, где они с дороги свернули. Поговорили, потом зауськали, как собак притравляют. Слышат—трещит что-то по кустам, прямо к ним собака чужая чья-то. Остановилась, забрехала.

Лезут и татары—тоже чужие; схватили их, посвязали, посадили на лошадей, повезли.

Проехали версты три,—встречает их Абдул хозяин с двумя татарами. Поговорил что-то с татарами, пересадили на своих лошадей, повезли назад в аул.

Абдул уже не смеется и ни слова не говорит с ними.

Привезли на рассвете в аул, посадили на улице. Сбежались ребята. Камнями, плетками бьют их, визжат.

Собрались татары в кружок, и старик из-под горы пришёл. Стали говорить. Слышит Жилин, что судят про них, что с ними делать. Одни говорят: „Надо их дальше в горы услать", а старик говорит: „Надо убить". Абдул спорит, говорит: „Я за них деньги отдал, я за них выкуп возьму". А старик говорит: „Ничего они не заплатят, только беды наделают, и грех русских кормить. Убить,—и кончено".

Разошлись. Подошел хозяин к Жилину, стал ему говорить:

— Если,—говорит,—мне не пришлют за вас выкуп, я через две недели вас запорю. А если затеешь опять бежать,—я тебя, как собаку, убью. Пиши письмо, хорошенько пиши!

Принесли им бумаги, написали они письма. Набили на них колодки, отвели за мечеть. Там яма была аршин пять, и спустили их в эту яму.

VI.

Житье им стало совсем дурное. Колодки не снимали и не выпускали на вольный свет. Кидали им туда тесто непечёное, как собакам, да в кувшине воду спускали. Вонь в яме, духота, мокрота. Костылин совсем разболелся, распух, и ломота во всем теле стала; и всё стонет или спит. И Жилин приуныл, видит—дело плохо. И не знает, как выдраться.

Начал он было подкапываться, да землю некуда кидать; увидал хозяин, пригрозил убить.

Сидит он раз в яме на корточках, думает о вольном житье, и скучно ему. Вдруг прямо ему на колени лепёшка упала, другая, и черешни посыпались. Поглядел кверху, а там Дина. Поглядела на него, посмеялась и убежала. Жилин и думает: „Не поможет ли Дина?“

Расчистил он в яме местечко, наковырял глины, стал лепить кукол. Наделал людей, лошадей, собак, думает: „Как придет Дина, брошу ей“.

Только на другой день нет Дины. А слышит Жилин, затопали лошади, проехали какие-то, и собрались татары у мечети, спорят, кричат и поминают про русских. И слышит голос старика. Хорошенько не разобрал он, а догадывается что русские близко подошли, и боятся татары, как бы в аул не зашли, и не знают, что с пленными делать.

Поговорили и ушли. Вдруг слышит, зашуршало что-то наверху. Видит: Дина присела на корточки, коленки выше головы торчат, свесилась, монисты висят, болтаются над ямой. Глазенки так и блестят как звездочки; вынула из рукава две сырные лепешки, бросила ему.

Жилин взял и говорит:

—Что давно не бывала? А я тебе игрушек наделал. На, вот!—Стал ей швырять по одной.

А она головой мотает, не смотрит. „Не надо“, говорит. Помолчала, посидела и говорит: „Иван! тебя убить хотят“. Сама себе рукой на шею показывает.

— Кто убить хочет?

— Отец, ему старики велят. А мне тебя жалко.

Жилин и говорит:

— А коли тебе меня жалко, так ты мне палку длинную принеси.

Она головой мотает,—что „нельзя“. Он сложил руки, молится ей:

— Дина, пожалуйста! Динушка, принеси!

— Нельзя,—говорит,—увидят, все дома,—и ушла.

Вот сидит вечером Жилин и думает: „Что будет?“ Всё поглядывает вверх. Звезды видны, а месяц еще не всходил. Мулла прокричал, затихло всё. Стал уже Жилин дремать, думает: „Побоится девка“.

Вдруг на голову ему глина посыпалась; глянул кверху—шест длинный в тот край ямы тыкается. Потыкался, спускаться стал, ползёт в яму. Обрадовался Жилин. Схватил рукой, спустил; шест здоровый. Он ещё прежде этот шест на хозяйской крыше видел.

Поглядел вверх,—звёзды высоко на небе блестят, и над самою ямой, как у кошки, у Дины глаза в темноте светятся. Нагнулась она лицом на край ямы и шепчет: „Иван, Иван!“—а сама руками у лица всё машет,—что „тише, мол“.

— Что?—говорит Жилин.

— Уехали все, только двое дома.

Жилин и говорит:

— Ну, Костылин, пойдём, попытаемся последний раз: я тебя подсажу.

Костылин и слышать не хочет.

— Нет,—говорит,—уж мне, видно, отсюда не выйти. Куда я пойду, когда и повернуться сил нет.

— Ну, так прощай, не поминай лихом.—Поцеловался с Костылиным.

Ухватился за шест, велел Дине держать и полез, раза два он обрывался,—колодка мешала. Поддержал его Костылин,—выбрался кое-как наверх. Дина его тянет ручонками за рубаху изо всех сил, сама смеется.

Взял Жилин шест и говорит:

— Снеси на место, Дина, а то хватятся,—прибьют тебя.

Потащила она шест, а Жилин под гору пошел. Слез под кручь, взял камень острый, стал замок с колодки

выворачивать. А замок крепкий,—никак не собьёт, да и неловко. Слышит, бежит кто-то с горы, легко попрыгивает. Думает: „Верно опять Дина“. Прибежала Дина, взяла камень и говорит:

— Дай, я.

Села на коленочки, начала выворачивать. Да ручонки тонкие, как прутики,—ничего силы нет. Бросила камень, заплакала. Принялся опять Жилин за замок, а Дина села подле него на корточках, за плечо его держит. Оглянулся Жилин, видит,—налево за горой зарево красное загорелось, месяц встает. „Ну,—думает,—до месяца надо лощину пройти, до лесу добраться“. Поднялся, бросил камень. Хоть в колодке,—да надо итти.

— Прощай,—говорит,—Динушка. Век тебя помнить буду.

Ухватилась за него Дина: шарит по нем руками, ищет—куда бы лепешки ему засунуть. Взял он лепешки.

— Спасибо,—говорит,—умница. Кто тебе без меня кукол делать будет?—И погладил ее по голове.

Как заплачет Дина, закрылась руками, побежала на гору, как козочка прыгает. Только в темноте слышно, мокрицы в косе по спине побрякивают.

Перекрестился Жилин, подхватил рукой замок на колодке, чтобы не бренчал, пошёл по дороге,—ногу волочит, а сам всё на зарево поглядывает, где месяц встает. Дорогу он узнал. Прямиком итти верст восемь. Только бы до лесу дойти прежде, чем месяц совсем выйдет. Перешел он речку,—побелел уже свет за горой. Пошел лощиной, идет, сам поглядывает: не видать еще месяца. Уже зарево посветлело и с одной стороны лощины все светлее и светлее становится. Ползёт под гору тень, всё к нему приближается.

Идёт Жилин, всё тени держится. Он спешит, а месяц еще скорее выбирается; уж и направо засветились макушки. Стал подходить к лесу, выбрался и месяц из-за гор,—бело, светло, совсем как днем. На деревьях все листочки видны. Тихо, светло по горам, как вымерло все. Только, слышно, внизу речка журчит.

Дошел до лесу,—никто не попался. Выбрал Жилин местечко в лесу потемнее, сел отдыхать.

Отдохнул, лепёшку съел. Нашел камень, принялся опять колодку сбивать. Все руки избил, а не сбил. Поднялся, пошел по дороге. Прошел с версту, выбился из сил,—ноги ломит. Ступит шагов десять и остановится. „Нечего делать,—думает,—буду тащиться, пока сила есть. А если сесть, так и не встану. До крепости мне не дойти, а как рассветет,—лягу в лесу, переднюю, а ночью опять пойду“

Всю ночь шёл. Только попались два татарина верхами,—да Жилин издалека их услыхал, схоронился за дерево.

Уж стал месяц бледнеть, роса пала, близко к свету, а Жилин до края леса не дошёл. „Ну,—думает,—еще тридцать шагов пройду, сверну в лес и сяду“. Прошел тридцать шагов, видит, лес кончается. Вышел на край—совсем светло, как на ладонке перед ним степь и крепость, а налево близёхонько под горой, огни горят, тухнут, дым стелется, и люди у костров.

Вгляделся — видит: ружья блестят, казаки, солдаты.

Обрадовался Жилин, собрался с последними силами, пошёл под гору. А сам думает: „Избави Бог, тут в чистом поле увидит конный татарин; хоть близко, а не уйдешь“.

Только подумал—глядь: налево, на бугре, стоят трое татар, десятины на две. Увидали его,—пустились к нему. Так сердце у него и оборвалось. Замахал руками, закричал что было духу своим:

— Братцы! выручай! братцы!

Услыхали наши,—выскочили казаки верховые. Пустились к нему—наперерез татарам.

Казакам далеко, а татарам близко. Да уж и Жилин собрался с последнею силой, подхватил рукой колодку, бежит к казакам, а сам себя не помнит, крестится и кричит:

— Братцы! братцы! братцы!

Казаков человек пятнадцать было.

Испугались татары, — не доезжаючи стали останавливаться. И подбежал Жилин к казакам.

Окружили его казаки, спрашивают: „Кто он, что за че-

ловек, откуда!“ А Жилин сам себя не помнит, плачет и приговаривает:

— Братцы! Братцы!

Выбежали солдаты, обступили Жилина; кто ему хлеба, кто каши, кто водки, кто шинелью прикрывает, кто колодку разбивает.

Узнали его офицеры, повезли в крепость. Обрадовались солдаты, товарищи собрались к Жилину.

Рассказал Жилин, как с ним всё дело было, и говорит:

— Вот и домой съездил, женился! Нет, уж, видно, не судьба моя.

И остался служить на Кавказе. Костылина только еще через месяц выкупили за пять тысяч. Еле живого привезли

VII. О ЖИВОТНЫХ И РАСТЕНИЯХ.

Пожарные собаки.

Бывает часто, что в городах на пожарах остаются дети в домах и их нельзя вытащить, потому что они от испуга спрячутся и молчат, а от дыма нельзя их рассмотреть. Для этого в Лондоне приучены собаки. Собаки эти живут с пожарными, и когда загорится дом, то пожарные посылают собак вытаскивать детей. Одна такая собака в Лондоне спасла двенадцать детей: её звали Боб.

Один раз загорелся дом, и когда пожарные приехали к дому, к ним выбежала женщина. Она плакала и говорила, что в доме осталась двухлетняя девочка. Пожарные послали Боба. Боб побежал по лестнице и скрылся в дыме. Через пять минут он выбежал из дому и в зубах за рубашку нёс девочку. Мать бросилась к дочери и плакала от радости, что дочь была жива. Пожарные ласкали собаку и осматривали её—не обгорела ли она; но Боб рвался опять в дом. Пожарные подумали, что в доме еще есть что-нибудь живое, и пустили его. Собака побежала в дом и скоро выбежала с чем-то в зубах. Когда народ рассмотрел то, что она несла, то все расхохотались: она несла большую кукла.

Сан-готардская собака.

Есть рядом две земли: Швейцария и Италия. Между этими двумя землями есть горы Альпы. Горы эти так высоки, что снег на них никогда не тает. По дороге из Швейцарии в Италию надо переходить через эти горы. Дорога идет через гору Сан-Готард. На самом верху этой горы, на дороге

построен монастырь. И в этом монастыре живут монахи. Монахи эти пускают к себе дорожных людей на отдых и на ночлег. На Сан-Готарде всегда бывает пасмурно; летом туман и ничего не видно. А зимой бывают такие метели, что на пять аршин заносит снегом. И проезжие, прохожие часто замерзают в эти метели. У монахов есть собаки. И собаки эти приучены отыскивать в снегу людей.

Один раз по дороге в Швейцарию шла женщина с ребёночком. Началась метель, женщина сбилась с дороги, села в снегу и застыла. Монахи вышли с собаками и нашли женщину с ребёночком. Монахи отогрели ребёночка и выкормили. А женщину они принесли уже мёртвую и похоронили у себя в монастыре.

Бешеная собака.

Барин купил лягавого щенка в городе и в рукаве шубы привёз его в деревню. Барыня полюбила щенка и в горницах выхаживала его. Щенок вырос: его назвали Дружком.

Он ходил на охоту с барином, караулил дом и играл с детьми.

Один раз в сад забежала дворовая собака. Собака эта бежала прямо по дорожке, хвост у ней был опущен, рот был открыт, и изо рта текли слюни. Дети были в саду.

Барин увидал эту собаку и закричал:

— Дети! бегите скорее домой,—бешеная собака.

Дети услыхали, что кричал отец, но не видали собаки и бежали прямо ей навстречу. Бешеная собака хотела броситься на одного из детей, но в это время Дружок кинулся на собаку и стал с ней грызться.

Дети убежали, но когда Дружок вернулся в дом, он визжал, на шее у него была кровь.

Через десять дней Дружок стал скучен, не пил, не ел и бросился грызть щенка. Дружка заперли в пустую горницу.

Дети не понимали, зачем заперли Дружка, и пошли потихоньку посмотреть собаку.

Они отперли дверь и стали кликать Дружка. Дружок

чуть не сбил их с ног, выбежал во двор и лёг в саду под кустом. Когда барыня увидала Дружка, она кликнула его, но Дружок не послушался, не замахал хвостом и не взглянул на неё. Глаза у него были мутные, изо рта текла слюна. Тогда барыня позвала мужа и сказала:

— Иди скорей! кто-то выпустил Дружка, он совсем бешеный. Ради Бога, сделай с ним что-нибудь.

Барин вынес ружьё и подошёл к Дружку. Он прицелился в него, но рука тряслась у него, когда он целился. Он выстрелил и не попал в голову, а в зад.

Собака завизжала и забилась.

Барин подошел ближе, чтобы рассмотреть, что с ним.

Весь зад у Дружка был в крови и обе задние ноги перебиты. Дружок подполз к барину и стал лизать ему ногу. Барин затрясся, заплакал и убежал в дом.

Тогда кликнули охотника, и охотник из другого ружья до-смерти убил собаку и унёс её.

Булька.

У меня была мордашка. Её звали Булькой. Она была вся чёрная, только кончики передних лап были белые.

У всех мордашек нижняя челюсть длиннее верхней и верхние зубы заходят за нижние; но у Бульки нижняя челюсть так выдавалась вперед, что палец можно было заложить между нижними и верхними зубами. Лицо у Бульки было широкое; глаза большие, чёрные и блестящие; и зубы и клыки белые всегда торчали наружу. Он был похож на арапа. Булька был смирный и не кусался, но он был очень силен и цепок. Когда он, бывало, уцепится за что-нибудь, то стиснет зубы и повиснет, как тряпка, и его, как клещука, нельзя никак оторвать.

Один раз его пускали на медведя, и он вцепился медведю в ухо и повис как пиявка. Медведь бил его лапами и прижимал к себе, кидал из стороны в сторону, но не мог оторвать и повалился на голову, чтобы раздавить Бульку; но Булька до тех пор на нем держался, пока его не отлили холодной водой.

Я взял его щенком и сам выкормил. Когда я ехал служить на Кавказ, я не хотел брать его и ушёл от него потихоньку, а его велел запереть. На первой станции я хотел уже садиться на другую перекладную, как вдруг увидал, что по дороге катится что-то чёрное и блестящее. Это был Булька в своем медном ошейнике. Он летел во весь дух к станции. Он бросился ко мне, лизнул мою руку и растянулся в тени под телегой. Язык его высунулся на целую ладонь. Он то втягивал его назад, глотая слюни, то опять высовывал на целую ладонь. Он т[illegible]опился, не поспевал дышать, бока его так и прыгали. Он поворачивался с боку на бок и постукивал хвостом о землю.

Я узнал потом, что он после меня пробил раму и выскочил из окна, и прямо, по моему следу, поскакал по дороге и проскакал так вёрст 20 в самый жар.

Булька и кабан.

Один раз на Кавказе мы пошли на охоту за кабанами и Булька прибежал со мной. Только что гончие погнали, Булька бросился на их голос и скрылся в лесу. Это было в ноябре месяце: кабаны и свиньи бывают тогда очень жирные.

На Кавказе, в лесах, где живут кабаны, бывает много вкусных плодов: дикого винограда, шишек, яблок, груш, ежевики, желудей, терновника. И когда все эти плоды поспеют и тронутся морозом,—кабаны отъедаются и жиреют.

В то время кабан так бывает жирен, что недолго может бегать под собаками. Когда его погоняют часа два, он забивается в чащу и останавливается. Тогда охотники бегут к тому месту, где он стоит, и стреляют. По лаю собак можно знать, стал ли кабан или бежит. Если он бежит, то собаки лают с визгом, как будто их бьют; а если он стоит, то они лают, как на человека, и подвывают.

В эту охоту я долго бегал по лесу, но ни разу мне не удалось перебежать дорогу кабану. Наконец я услыхал протяжный лай и вой гончих собак и побежал к тому месту. Уж я был близко от кабана. Мне уже слышен был

треск по чаще. Это ворочался кабан с собаками. Но слышно было по лаю, что они не брали его, а только кружились около. Вдруг я услыхал—зашуршало что-то сзади и увидал Бульку. Он, видно, потерял гончих в лесу и спутался, а теперь слышал их лай и так же, как я, что было духу катился в ту сторону. Он бежал через полянку, по высокой траве, и мне от него видна только была его чёрная голова и закушенный язык в белых зубах. Я окликнул его, но он не оглянулся, обогнал меня и скрылся в чаще. Я побежал за ним, но чем дальше я шел, тем лес становился чаще и чаще. Сучки сбивали с меня шапку, били по лицу, иглы терновника цеплялись за платье. Я уже был близок к лаю, но ничего не мог видеть.

Вдруг я услыхал, что собаки громче залаяли, что-то сильно затрещало, и кабан стал отдуваться и захрипел. Я так и думал, что теперь Булька добрался до него и возится с ним. Я из последних сил побежал через чащу к тому месту; в самой глухой чаще я увидал пёструю гончую собаку. Она лаяла и выла на одном месте, и в трёх шагах от нее возилось и чернело что-то.

Когда я подвинулся ближе, я рассмотрел кабана и услыхал, что Булька пронзительно завизжал. Кабан захрюкал и посунулся на гончую,—гончая поджала хвост и отскочила. Мне стал виден бок кабана и его голова. Я прицелился в бок и выстрелил. Я видел, что попал. Кабан хрюкнул и затрещал прочь от меня по чаще. Собаки визжали, лаяли следом за ним, я по чаще ломился за ними. Вдруг, почти у себя под ногами, я увидал и услыхал что-то. Это был Булька. Он лежал на боку и визжал. Под ним была лужа крови. Я подумал: пропала собака; но мне теперь не до него было, я ломился дальше. Скоро я увидал кабана. Собаки хватали его сзади, а он поворачивался то на ту, то на другую сторону. Когда кабан увидал меня, он сунулся ко мне. Я выстрелил другой раз, почти в упор, так что щетина загорелась на кабане, и кабан захрипел, зашатался и всей тушей тяжело хлопнулся на земь.

Когда я подошел, кабан уже был мёртвый и только то там, то тут его пучило и подергивало. Но собаки, още-

тинившись, одни рвали его за брюхо и за ноги, а другие локали кровь из раны.

Тут я вспомнил про Бульку и пошёл его искать. Он полз мне навстречу и стонал. Я подошёл к нему, присел и посмотрел ему рану. У него был распорот живот и целый комок кишек из живота волочился по сухим листьям. Когда товарищи подошли ко мне, мы вправили Бульке кишки и зашили ему живот. Пока зашивали живот и прокалывали кожу, он всё лизал мне руки.

Кабана привязали к хвосту лошади, чтобы вывезти из лесу, а Бульку положили на лошадь и так привезли его домой. Булька проболел недель шесть и выздоровел.

Фазаны.

На Кавказе диких кур зовут фазанами. Их так много, что они там дешевле домашней курицы. За фазанами охотятся *с кобылкой, с подсаду* и *из-под собаки*. С кобылкой вот как охотятся: возьмут парусины, натянут на рамку, в середине рамки сделают перекладину, а в парусине сделают прорешку. Эта рамка с парусиной называется кобылкой. С этой кобылкой и с ружьём на заре выходят в лес. Кобылку несут перед собой и высматривают в прорешку фазанов. Фазаны по зарям кормятся на полянках; иногда целый выводок—наседка с цыплятами, иногда петух с курицей, иногда несколько петухов вместе.

Фазаны не видят человека, а не боятся парусины и подпускают к себе близко. Тогда охотник ставит кобылку, высовывает ружьё в прореху и стреляет по выбору.

С подсаду охотятся вот как: пустят дворную собачонку в лес и ходят за ней. Когда собака найдет фазана, она бросится за ним. Фазан взлетит на дерево и тогда собачонка начинает на него лаять. Охотник подходит на лай и стреляет фазана на дереве. Охота эта была бы легка, если бы фазан садился на дерево на чистом месте и сиделбы прямо на дереве—так, что его бы видно было. Но фазаны всегда садятся на густые деревья, в чаще, и как завидят охотника, так прячутся в сучках. И бывает трудно пролезть в чаще

к дереву, где сидит фазан, и трудно рассмотреть его. Когда собака одна лает на фазана, он не боится ее, сидит на сучке и еще петушится на нее и хлопает крыльями. Но как только он увидит человека, то сейчас же вытягивается по сучку, так что только привычный охотник различит его, а непривычный будет стоять подле и ничего не увидит.

Когда казаки подкрадываются к фазанам, то они надвигают шапку на свое лицо и не глядят вверх, потому что фазан боится человека с ружьем, а больше всего боится его глаз.

Из-под собаки охотся вот как: берут лягавую собаку и ходят за нею по лесу. Собака чутьем услышит, где на заре ходили и кормились фазаны, и станет разбирать их следы. И, сколько бы ни напутали фазаны, хорошая собака всегда найдет последний след, выход с того места, где кормились. Чем дальше будет итти собака по следу, тем сильнее ей будет пахнуть, и так она дойдет до того места, где днем сидит в траве или ходит фазан. Когда она подойдёт близко, тогда ей будет казаться, что фазан уж тут, прямо перед ней, и она всё будет итти осторожнее, чтобы не спугнуть его, и будет останавливаться, чтобы сразу прыгнуть и поймать его. Когда собака подойдёт совсем близко, тогда фазан вылетает, и охотник стреляет.

Мильтон и Булька.

Я завёл себе для фазанов лягавую собаку. Собаку эту звали Мильтон: она была высокая, худая, крапчатая по серому, с длинными брылами и ушами и очень сильная и умная. С Булькой они не грызлись. Ни одна собака никогда не огрызалась на Бульку. Он, бывало, только покажет свои зубы, и собаки поджимают хвосты и отходят прочь. Один раз я пошёл с Мильтоном за фазанами. Вдруг Булька прибежал за мной в лес. Я хотел прогнать его, но никак не мог. А итти домой, чтобы отвести его, было далеко. Я думал, что он не будет мешать мне, и пошел дальше; но только что Мильтон почуял в траве фазана и стал искать Булька бросился вперед и стал соваться во все стороны.

Он старался прежде Мильтона поднять фазана. Он что-то такое слышал в траве, прыгал, вертелся; но чутье у него плохое, и он не мог найти следа один, а смотрел на Мильтона и бежал туда, куда шёл Мильтон. Только что Мильтон тронется по следу, Булька забежит вперед. Я отзывал Бульку, бил, но ничего не мог с ним сделать. Как только Мильтон начинал искать, он бросался вперед и мешал ему. Я хотел уже итти домой, потому что думал, что охота моя испорчена, но Мильтон лучше меня придумал, как обмануть Бульку. Он вот что сделал: как только Булька забежит ему вперед, Мильтон бросит след, повернёт в другую сторону и притворится, что ищет. Булька бросится туда, куда показал Мильтон, а Мильтон оглянется на меня, махнет хвостом и пойдет опять по настоящему следу. Булька опять прибегает к Мильтону, забегает вперед, и опять Мильтон нарочно сделает шагов десять в сторону, обманет Бульку и опять поведёт меня прямо. Так что всю охоту он обманывал Бульку и не дал ему испортить дело.

Черепаха

Один раз я пошёл с Мильтоном на охоту. Подле леса он начал искать, вытянул хвост, поднял уши и стал принюхиваться. Я приготовил ружье и пошёл за ним. Я думал, что он ищет куропатку, фазана или зайца. Но Мильтон не пошёл в лес, а в поле. Я шёл за ним и глядел вперёд. Вдруг я увидал то, что он искал. Впереди его бежала небольшая черепаха, величиною с шапку. Голая темно-серая голова на длинной шее была вытянута, как пестик; черепаха широко перебирала голыми лапами, а спина её вся была покрыта корой.

Когда она увидала собаку, она спрятала ноги и голову и опустилась на траву, так что видна была только одна скорлупа. Мильтон схватил ее и стал грызть, но не мог прокусить ее, потому что у черепахи на брюхе такая же скорлупа, как и на спине. Только спереди, сзади и с боков есть отверстия, куда она пропускает голову, ноги и хвост.

Я отнял черепаху у Мильтона и рассмотрел, как у неё

разрисована спина, и какая скорлупа, и как она туда прячется. Когда держишь её в руках и смотришь под скорлупу, то только внутри, как в подвале, видно что-то чёрное и живое. Я бросил черепаху на траву и пошел дальше, но Мильтон не хотел ее оставить, а нес в зубах за мной. Вдруг Мильтон взвизгнул и пустил ее. Черепаха у него во рту выпустила лапу и царапнула ему рот. Он так рассердился на нее за это, что стал лаять и опять схватил ее и понес за мною. Я опять велел бросить, но Мильтон не слушался меня. Тогда я отнял у него черепаху и бросил. Но он не оставил её. Он стал торопиться лапами подле нее рыть яму. И когда вырыл яму, то лапами завалил в яму черепаху и закопал землею.

Черепахи живут и на земле, и в воде, как ужи и лягушки. Детей они выводят яйцами, и яйца кладут на земле, и не высиживают их, а яйца сами, как рыбья икра, лопаются—и выводятся черепахи. Черепахи бывают маленькие, не больше блюдечка, и большие, в три аршина длины и весом в двадцать пудов. Большие черепахи живут в морях.

Одна черепаха в весну кладет сотни яиц. Скорлупа черепахи—это её рёбра. Только у людей и других животных рёбра бывают каждое отдельно, а у черепахи ребра срaслись в скорлупу. Главное же—то, что у всех животных рёбра бывают внутри, под мясом, а у черепахи рёбра сверху, а мясо под ними.

Булька и волк.

Когда я уезжал с Кавказа, тогда еще там была война, и ночью опасно было ездить без конвоя.

Я хотел выехать как можно раньше утром и для этого не ложился спать.

Мой приятель пришёл провожать меня, и мы сидели весь вечер и ночь на улице станицы перед моей хатой.

Была месячная ночь с туманом, и было так светло, что читать можно, хотя месяца и не видно было.

В середине ночи мы вдруг услыхали, что через улицу

на дворе пищит поросёнок. Один из нас закричал: „Это волк душит поросёнка“.

Я побежал к себе в хату, схватил заряженное ружьё и выбежал на улицу. Все стояли у ворот того двора, где пищал поросёнок, и кричали мне: „Сюда!“ Мильтон бросился за мной,—верно, думал, что я на охоту иду с ружьём,—а Булька поднял свои короткие уши и метался из стороны в сторону, как будто спрашивал, в кого ему велят вцепиться. Когда я подбежал к плетню, я увидал, что с той стороны двора, прямо ко мне, бежит зверь. Это был волк. Он подбежал к плетню и вскочил на него. Я отсторонился от него и приготовил ружьё. Как только волк соскочил с плетня на мою сторону, я приложился почти в упор и спустил курок; но ружьё сделало „чик“ и не выстрелило. Волк не остановился и побежал через улицу. Мильтон и Булька пустились за ним. Мильтон был близко от волка, но, видно, боялся схватить его, а Булька, как ни торопился на своих коротких ногах, не мог поспеть. Мы бежали, что было силы, за волком, но и волк, и собаки скрылись у нас из виду. Только у канавы, на углу станицы, мы услыхали подлаиванье, визг и видели сквозь месячный туман, что поднялась пыль и что собаки возились с волком. Когда мы прибежали к канаве, волка уже не было, и обе собаки вернулись к нам с поднятыми хвостами и рассерженными лицами. Булька рычал и толкал меня головой,—он, видно, хотел что-то рассказать, но не умел.

Мы осмотрели собак и нашли, что у Бульки на голове была маленькая рана. Он, видно, догнал волка перед канавой, но не успел захватить, и волк огрызнулся и убежал. Рана была небольшая, так что ничего опасного не было.

Мы вернулись назад к хате, сидели и разговаривали о том, что случилось. Я досадовал на то, что ружьё мое осеклось, и все думал о том, как бы тут же на месте остался волк, если бы оно выстрелило. Приятель мой удивлялся, как волк мог залезть на двор. Старый казак говорил, что тут нет ничего удивительного, что это был не волк, а что это была ведьма и что она заколдовала мое ружьё. Так мы сидели и разговаривали. Вдруг собаки бросились, и мы уви-

дали на средине улицы, перед нами, опять того же волка, но в этот раз он, от нашего крика, так скоро побежал, что собаки уже не догнали его.

Старый казак после этого уже совсем уверился, что это был не волк, а ведьма; а я подумал, что не бешеный ли это был волк, потому что я никогда не видывал и не слыхивал, чтобы волк, после того, как его прогнали, вернулся опять на народ.

На всякий случай я посыпал Бульке на рану пороху и зажёг его. Порох вспыхнул и выжег больное место.

Я выжег порохом рану затем, чтобы выжечь бешеную слюну, если она еще не успела войти в кровь. Если же попала слюна и вошла уже в кровь, то я знал, что по крови она разойдется по всему телу, и тогда уже нельзя вылечить.

Что случилось с Булькой в Пятигорске.

Из станицы я поехал не прямо в Россию, а сначала в Пятигорск, и там пробыл два месяца. Мильтона я подарил казаку-охотнику, а Бульку взял с собой в Пятигорск.

Пятигорск так называется от того, что он стоит на горе Бештау. А Беш по-татарски значит пять, тау—гора. Из этой горы течёт горячая серная вода. Вода эта горяча, как кипяток, и над местом, где идет вода из горы, всегда стоит пар, как над самоваром. Всё место, где стоит город, очень весёлое. Из гор текут горячие родники, под горой течёт речка Подкумок. По горе—леса, кругом—поля, а вдалеке всегда видны большие Кавказские горы. На этих горах снег никогда не тает, и они всегда белые, как сахар. Одна большая гора Эльбрус, как сахарная белая голова, видна отовсюду, когда ясная погода. На горячие ключи приезжают лечиться, и над ключами сделаны беседки, навесы, кругом разбиты сады и дорожки. По утрам играет музыка, и народ пьёт воду или купается и гуляет.

Самый город стоит на горе, а под горой есть слобода. Я жил в этой слободе в маленьком домике. Домик стоял на дворе, и перед окнами был садик, а в саду стояли хозяйские пчёлы—не в колодах, как в России, а в круглых пле-

тушках. Пчёлы там так смирны, что я всегда по утрам с Булькой сиживал в этом садике промежду ульев.

Булька ходил промежду ульев, удивлялся на пчёл, нюхал, слушал, как они гудят, но так осторожно ходил около них, что не мешал им, и они его не трогали.

Один раз утром я вернулся домой с вод и сел пить кофе в палисаднике. Булька стал чесать себе за ушами и греметь ошейником. Шум тревожил пчел, и я снял с Бульки ошейник. Немного погодя, я услыхал из города с горы странный и страшный шум. Собаки лаяли, выли, визжали люди кричали, и шум этот спускался с горы и подходил все ближе и ближе к нашей слободе. Булька перестал чесаться, уложил свою широкую голову с белыми зубами промеж передних белых лапок, уложил и язык, как ему надо было, и смирно лежал подле меня. Когда он услыхал шум, он как будто понял, что это такое, насторожил уши, оскалил зубы, вскочил и начал рычать. Шум приближался. Точно собаки со всего города выли, визжали и лаяли. Я вышел к воротам посмотреть, и хозяйка моего дома подошла тоже. Я спросил: „Что это такое?“ Она сказала: „Это колодники из острога ходят—собак бьют. Развелось много собак, и городское начальство велело бить всех собак по городу“.

— Как, и Бульку убьют, если попадется?

— Нет, в ошейниках не велят бить.

В то самое время, как я говорил, колодники подошли уже к нашему двору.

Впереди шли солдаты, сзади четыре колодника в цепях. У двух колодников в руках были длинные железные крючья и у двух дубины. Перед нашими воротами один колодник крючком зацепил дворную собачонку, притянул её на середину улицы, а другой колодник стал бить её дубиной. Собачёнка визжала ужасно, а колодники кричали что-то и смеялись. Колодник с крючком перевернул собачонку и, когда увидал, что она издохла, он вынул крючок и стал оглядываться, нет ли еще собаки.

В это время Булька стремглав, как он кидался на медведя, бросился на этого колодника. Я вспомнил, что он без ошейника, и закричал: „Булька, назад!“—и кричал колод-

никам, чтобы они не били Бульку. Но колодник увидал Бульку, захохотал и крючком ловко ударил в Бульку и зацепил его за ляжку. Булька бросился прочь, но колодник тянул к себе и кричал другому: „Бей!“ Другой замахнулся дубиной, и Булька был бы убит, но он рванулся, кожа прорвалась на ляжке, и он, поджав хвост, с красной раной на ноге, стремглав влетел в калитку, в дом, и забился под мою постель.

Он спасся тем, что кожа его прорвалась насквозь в том месте, где был крючок.

Конец Бульки и Мильтона.

Булька и Мильтон кончились в одно и то же время. Старый казак не умел обращаться с Мильтоном. Вместо того, чтобы брать его с собою только на птицу, он стал водить его за кабанами. И в ту же осень кабан распорол его. Никто не умел его зашить, и Мильтон издох.

Булька тоже недолго жил после того, как он спасся от колодников. Скоро после своего спасения от колодников он стал скучать и стал лизать всё, что ему попадалось. Он лизал мне руки, но не так, как прежде, когда ласкался. Он лизал долго и сильно налегал языком, а потом начинал прихватывать зубами. Видно, ему нужно было кусать руку, но он не хотел. Я не стал давать ему руку. Тогда он стал лизать мой сапог, ножку стола, и потом кусать сапог или ножку стола. Это продолжалось два дня, а на третий день он пропал, и никто не видал и не слыхал про него.

Украсть его нельзя было, и уйти от меня он не мог, а случилось это с ним 6 недель после того, как его укусил волк. Стало быть, волк, точно, был бешеный. Булька взбесился и ушел. С ним сделалось то, что называют по-охотничьи—стечка. Говорят, что бешенство в том состоит, что у бешеного животного в горле делаются судороги. Бешеные животные хотят пить и не могут, потому что от воды судороги делаются сильнее. Тогда они от боли и от жажды выходят из себя и начинают кусать. Верно, у Бульки начинались эти судороги, когда он начинал лизать, а потом кусать мою руку и ножку стола.

Я ездил везде по округе и спрашивал про Бульку, но не мог узнать, куда он делся и как издох. Еслиб он бегал и кусал, как делают бешеные собаки, то я бы услыхал про него. А, верно, он забежал куда-нибудь в глушь и один умер там. Охотники говорят, что когда с умной собакой сделается стечка, то она убегает в поля или леса и там ищет травы, какой ей нужно, вываливается по росам и сама лечится. Видно, Булька не мог вылечиться. Он не вернулся и пропал.

Зайцы.

Зайцы лесные по ночам кормятся корою деревьев, зайцы полевые—озимями и травой, гуменники—хлебными зернами на гумнах. За ночь зайцы прокладывают по снегу глубокий, видный след. До зайцев охотники—и люди, и собаки, и волки, и лисицы, и вороны, и орлы. Если бы заяц ходил просто и прямо, то поутру его сейчас бы нашли по следу и поймали; но трусость спасает его.

Заяц ходит ночью по полям и лесам без страха и прокладывает прямые следы; но как только приходит утро, враги его просыпаются: заяц начинает слышать то лай собак, то визг саней, то голоса мужиков, то треск волка по лесу, и начинает от страху метаться из стороны в сторону. Проскачет вперед, испугается чего-нибудь и побежит назад по своему следу. Еще услышит что-нибудь — и со всего размаха прыгнет в сторону и поскачет прочь от прежнего следа. Опять стукнет что-нибудь—опять заяц повернется назад и опять поскачет в сторону. Когда светло станет, он ляжет.

На утро охотники начинают разбирать заячий след, путаются по двойным следам и далеким прыжкам и удивляются хитрости зайца. А заяц и не думал хитрить,—он только всего боится.

Русак.

Заяц-русак жил зимою подле деревни. Когда пришла ночь, он поднял одно ухо, послушал; потом поднял другое, поводил усами, понюхал и сел на задние лапы. Потом он прыгнул раз-другой по глубокому снегу и опять сел на задние лапы и стал оглядываться. Со всех сторон ничего

не было видно, кроме снега. Снег лежал волнами и блестел, как сахар. Над головой зайца стоял морозный пар, и сквозь этот пар виднелись большие яркие звёзды.

Зайцу нужно было перейти через большую дорогу, чтобы придти на знакомое гумно. На большой дороге слышно было, как визжали полозья, фыркали лошади, скрипели кресла в санях.

Заяц опять остановился подле дороги. Мужики шли подле саней с поднятыми воротниками кафтанов. Лица их были чуть видны. Бороды, усы, ресницы их были белые. Изо ртов и носов их шел пар. Лошади их были потные, и к поту пристал иней. Лошади толкались в хомутах, ныряли, выныривали в ухабах. Мужики догоняли, обгоняли, били кнутами лошадей. Два старика шли рядом, и один рассказывал другому, как у него украли лошадь.

Когда обоз проехал, заяц перескочил дорогу и полегоньку пошел к гумну. Собачонка от обоза увидала зайца. Она залаяла и бросилась за ним. Заяц поскакал к гумну по субоям; зайца задержали субои, а собака на десятом прыжке завязла в снегу и остановилась. Тогда заяц тоже остановился, посидел на задних лапах и потихоньку пошёл к гумну. По дороге он, на зеленях, встретил двух зайцев. Они кормились и играли. Заяц поиграл с товарищами, покопал с ними морозный снег, поел озими и пошел дальше. На деревне было всё тихо, огни были потушены. Только слышался на улице плач ребёнка в избе да треск мороза в брёвнах изб. Заяц прошел на гумно и там нашел товарищей. Он поиграл с ними на расчищенном току, поел овса из начатой кладушки, взобрался по крыше, занесенной снегом, на овин и через плетень пошёл назад к своему оврагу. На востоке светилась заря, звёзд стало меньше, и еще гуще морозный пар поднимался над землей. В ближней деревне проснулись бабы и шли за водой; мужики несли корм с гумён, дети кричали и плакали. По дороге еще больше шло обозов, и мужики громче разговаривали.

Заяц перескочил через дорогу, подошёл к своей старой норе, выбрал местечко повыше, раскопал снег, лёг задом в новую нору, уложил на спине уши и заснул с открытыми глазами.

Как волки учат своих детей.

Я шёл по дороге, и сзади себя услыхал крик. Кричал мальчик-пастух. Он бежал полем и на кого-то показывал.

Я поглядел и увидал—по полю бегут два волка: один матерой, другой—молодой. Молодой нёс на спине зарезанного ягнёнка, а зубами держал его за ногу. Матерой волк бежал позади.

Когда я увидал волков, я вместе с пастухом побежал за ними, и мы стали кричать. На наш крик прибежали мужики с собаками.

Как только старый волк увидал собак и народ, он подбежал к молодому, выхватил у него ягнёнка, перекинул себе на спину, и оба волка побежали скорее и скрылись из глаз.

Тогда мальчик стал рассказывать, как было дело: из оврага выскочил большой волк, схватил ягнёнка, зарезал его и понёс.

Навстречу выбежал волчонок и бросился к ягнёнку. Старый отдал нести ягнёнка молодому волку, а сам налегке побежал возле.

Только, когда пришла беда, старый оставил ученье и сам взял ягнёнка.

Медведь на повозке.

Поводырь с медведем подошёл к кабаку, привязал медведя к воротам, а сам вошёл в кабак выпить. Ямщик на тройке подъехал к кабаку, закрутил коренную и тоже пошёл в кабак. А в телеге у ямщика были колачи. Медведь учуял в повозке колачи, отвязался, подошел к повозке, влез и стал шарить в сене. Лошади оглянулись и шарknули от кабака по дороге. Медведь ухватился лапами за грядки и не знает как ему быть. А лошади, что дальше, то пуще разгораются. Медведь держится передними лапами за грядки и только голову поворачивает то на ту сторону, то на другую. А лошади оглянутся-оглянутся — еще шибче катят по дороге, под гору, на гору... Проезжие не успевают посторониваться. Катит тройка вся в мыле, на телеге сидит медведь, держится за грядки, да по сторонам оглядывается.

Видит медведь, что дело плохо—убьют его лошади; начал он реветь. Еще пуще лошади понеслись. Скакали-скакали, прискакали домой в деревню. Все смотрят, что такое скачет. Уткнулись лошади в свой двор, в ворота. Хозяйка глядит, что такое? Не-путем прискакал хозяин—видно пьян. Выходит на двор, а с телеги не хозяин—медведь лезет. Соскочил медведь, да в поле, да в лес.

Слон.

У одного индейца был слон. Хозяин дурно кормил его и заставлял много работать. Один раз слон рассердился и наступил ногою на своего хозяина. Индеец умер. Тогда жена индейца заплакала, принесла своих детей к слону и бросила их слону под ноги. Она сказала: „Слон! ты убил отца, убей и их“. Слон посмотрел на детей, взял хоботом старшего, потихоньку поднял и посадил его себе на шею. И слон стал слушаться этого мальчика и работать для него.

Клопы.

Я остановился ночевать на постоялом дворе. Прежде чем ложиться спать, я взял свечу и посмотрел углы кровати и стен, и когда увидал, что во всех углах были клопы, стал придумывать, как бы устроиться на ночь так, чтобы клопы не добрались до меня.

Со мною была складная кровать, но я знал, что поставь я её и посредине комнаты, клопы сползут со стен на пол и с полу, по ножкам кровати доберутся и до меня; а потому я попросил у хозяина четыре деревянные чашки, налил в чашки воды и каждую ножку кровати поставил в чашку с водой. Я лёг, поставил свечу на пол и стал смотреть, что будут делать клопы. Клопов было много, и они уже чуяли меня; я видел, как они поползли по полу и взлезли на край чашки, и одни падали в воду, другие ворочались назад. „Перехитрил я вас,—подумал я,—теперь не доберетесь“, и хотел уже тушить свечу, как вдруг почувствовал, что меня кусает что-то. Осматриваюсь: клоп. Как он попал ко мне? Не прошло минуты, я нашел другого. Я стал оглядываться и допытываться, как до меня они добрались.

Долго я не мог понять, но, наконец, взглянул на потолок и увидал—клоп лез по потолку; как только он дополз вровень с кроватью, он отцепился от потолка и упал на меня. „Нет,—подумал я,—вас не перехитришь“, надел шубу и вышел на двор.

Акула.

Наш корабль стоял на якоре у берега Африки. День был прекрасный; с моря дул свежий ветер, но к вечеру погода изменилась: стало душно и точно из топлёной печки несло на нас горячим воздухом с пустыни Сахары.

Перед закатом солнца капитан вышел на палубу, крикнул: „купаться!“, и в одну минуту матросы попрыгали в воду, спустили в воду парус, привязали его и в парусе устроили купальню.

На корабле с нами было два мальчика. Мальчики первые попрыгали в воду, но им тесно было в парусе, и они вздумали плавать на перегонки в открытом море.

Оба, как ящерицы, вытягивались в воде и что было силы поплыли к тому месту, где был бочёнок над якорем.

Один мальчик сначала перегнал товарища, но потом стал отставать. Отец мальчика, старый артиллерист, стоял на палубе и любовался на своего сынишку. Когда сын стал отставать, отец крикнул ему: „Не выдавай! понатужься!“

Вдруг с палубы кто-то крикнул: „Акула!“—и все мы увидали в воде спину морского чудовища.

Акула плыла прямо на мальчиков.

„Назад! назад! вернитесь! акула!“—закричал артиллерист. Но ребята не слыхали его, плыли дальше, смеялись и кричали еще веселее и громче прежнего.

Артиллерист, бледный, как полотно, не шевелясь, смотрел на детей.

Матросы спустили лодку, бросились в неё и, сгибая вёсла, понеслись, что было силы, к мальчикам; но они были ещё далеко от них, когда акула уже была не дальше 20-ти шагов.

Мальчики сначала не слыхали того, что им кричали, и не видали акулы; но потом один из них оглянулся, и мы все услыхали пронзительный визг, и мальчики поплыли в разные стороны.

Визг этот как будто разбудил артиллериста. Он сорвался с места и побежал к пушкам. Он повернул хобот, прилёг к пушке, прицелился и взял фитиль.

Мы все, сколько нас ни было на корабле, замерли от страха и ждали, что будет.

Раздался выстрел, и мы увидали, что артиллерист упал подле пушки и закрыл лицо руками. Что сделалось с акулой и с мальчиком, мы не видали, потому что на минуту дым застлал нам глаза.

Но когда дым разошёлся над водою, со всех сторон послышался сначала тихий ропот, потом ропот этот стал сильнее и, наконец, со всех сторон раздался громкий, радостный крик.

Старый артиллерист открыл лицо, поднялся и посмотрел на море.

По волнам колыхалось жёлтое брюхо мёртвой акулы. В несколько минут лодка подплыла к мальчикам и привезла их на корабль.

Орел.

Орёл свил себе гнездо на большой дороге, вдали от моря, и вывел детей.

Один раз подле дерева работал народ, а орёл подлетал к гнезду с большой рыбой в когтях. Люди увидали рыбу, окружили дерево, стали кричать и бросать в орла каменьями.

Орёл выронил рыбу, а люди подняли её и ушли.

Орёл сел на край гнезда, а орлята подняли свои головы и стали пищать: они просили корма.

Орёл устал и не мог лететь опять на море; он спустился в гнездо, прикрыл орлят крыльями, ласкал их, оправлял им пёрышки и как будто просил их, чтобы они подождали немного. Но чем больше он их ласкал, тем громче они пищали.

Тогда орёл отлетел от них и сел на верхний сук дерева.

Орлята засвистали и запищали еще жалобнее.

Тогда орёл вдруг сам громко закричал, расправил крылья и тяжело полетел к морю. Он вернулся только поздно вечером: он летел тихо и низко над землёю, в когтях у него опять была большая рыба.

Когда он подлетал к дереву, он оглянулся,—нет ли опять вблизи людей, быстро сложил крылья и сел на край гнезда.

Орлята подняли головы и разинули рты, а орёл разорвал рыбу и накормил детей.

Воробей и ласточка.

Раз я стоял на дворе и смотрел на гнездо ласточек под крышей. Обе ласточки при мне улетели, и гнездо осталось пустое.

В то время, когда они были в отлучке, с крыши слетел воробей, прыгнул в гнездо, оглянулся, взмахнул крылышками и юркнул в гнездо; потом высунул оттуда свою головку и зачирикал.

Скоро после того прилетела к гнезду ласточка. Она сунулась в гнездо, но, как только увидала гостя, запищала, побилась крыльями на месте и улетела.

Воробей сидел и чирикал.

Вдруг прилетел табунок ласточек: все ласточки подлетали к гнезду—как будто для того, чтобы посмотреть на воробья, и опять улетали.

Воробей не робел, поворачивал голову и чирикал.

Ласточки опять подлетали к гнезду, что-то делали и опять улетали.

Ласточки недаром подлетали: они приносили каждая в клювике грязь и понемногу замазывали отверстие гнезда.

Опять улетали и опять прилетали ласточки, и всё больше и больше замазывали гнездо, и отверстие становилось всё теснее и теснее.

Сначала видна была шея воробья, потом уже одна головка, потом носик, а потом и ничего не стало видно; ласточки совсем замазали его в гнезде, улетели и со свистом стали кружиться вокруг дома.

Лозина.

На Святой пошёл мужик посмотреть—оттаяла ли земля.

Он вышел на огород и колом ощупал землю. Земля раскисла. Мужик пошёл в лес. В лесу на лозине уже надулись почки. Мужик и подумал: „Дай обсажу огород лозиной, вырастет—защита будет!“ Взял топор, нарубил деся-

ток лозиннику, затесал с толстых концов кольями и воткнул в землю.

Все лозинки выпустили побеги вверху с листьями и внизу под землею выпустили такие же побеги заместо кореньев; и одни зацепились за землю и принялись, а другие неловко зацепились за землю кореньями—замерли и повалились.

К осени мужик порадовался на свои лозины: шесть штук принялись. На другую весну овцы обгрызли четыре лозины, и две только остались. На другую весну и эти обгрызли овцы. Одна совсем пропала, а другая справилась, стала окореняться и разрослась деревом. По веснам пчёлы гудьмя гудели на лозине. В роёвщину часто на лозину сажались рои, и мужики огребали их. Бабы и мужики часто завтракали и спали под лозиной, а ребята лазили на неё и выламывали из неё прутья.

Мужик—тот, что посадил лозину, давно уже умер, а она всё росла. Старший сын два раза срубал с нее сучья и топил ими. Лозина все росла. Обрубят её кругом, сделают шишку, а она на весну выпустит опять сучья, хотя и тоньше, но вдвое больше прежних, как вихор у жеребенка.

И старший сын перестал хозяйничать, и деревню сселили, а лозина все росла на чистом поле. Чужие мужики ездили, рубили её—она всё росла. Грозой ударило в лозину; она справилась боковыми сучьями, и всё росла и цвела. Один мужик хотел срубить её на колоду, да бросил: она была дюже гнила. Лозина свалилась на бок и держалась только одним боком, а всё росла, и всё каждый год прилетали пчёлы обирать с её цветов поноску.

Собрались раз ребята рано весной стеречь лошадей под лозину. Показалось им холодно: они стали разводить огонь, набрали жнивья, чернобылу, хворосту. Один взлез на лозину, с неё же наломал сучьев. Склали они всё в дупло лозины и зажгли. Зашипела лозина, закипел в ней сок, пошёл дым и стал пеербегать огонь; всё нутро её почернело. Сморщились молодые побеги, цветы завяли. Ребята угнали домой лошадей. Обгорелая лозина осталась одна в поле. Прилетел чёрный ворон, сел на неё и закричал: „Что, издохла, старая кочерга, давно пора было!“

Яблони.

Я посадил двести молодых яблонь и три года весною и осенью окапывал их, а на зиму завертывал соломой от зайцев. На четвертый год, когда сошёл снег, пошёл я смотреть свои яблони. Они потолстели в зиму, кора на них была глянцовитая и налитая; сучки все были целы и на всех кончиках и на развилинках сидели круглые, как горошки, цветовые почки. Кое-где уже лопнули распуколки и виднелись алые края цветовых листьев. Я знал, что все распуколки будут цветами и плодами, и радовался, глядя на свои яблони. Но, когда я развернул первую яблоню, я увидал, что внизу, над самой землею, кора яблони была обгрызена кругом по самую древесину, как белое кольцо. Это сделали мыши. Я развернул другую яблоню—и на другой было то же самое. Из двухсот яблонь ни одной не осталось целой. Я замазал обгрызенные места смолою и воском; но когда яблони распустились, цветы их сейчас же спали. Вышли маленькие листики—и те завяли и засохли. Кора сморщилась и почернела. Из двухсот яблонь осталось только девять. На этих девяти яблонях кора была не кругом объедена, а в белом кольце оставалась полоска коры. На этих полосках, в том месте, где расходилась кора, сделались наросты, и яблони хотя и поболели, но пошли остальные все пропали, только ниже обгрызенных мест пошли отростки—и то всё дикие.

Кора у деревьев—те же жилы у человека: чрез жилы кровь ходит по человеку—и чрез кору сок ходит по дереву и поднимается в сучья, листья и цветы. Можно из дерева выдолбить всё нутро, как это бывает у старых лозин, но только бы кора была жива—и дерево будет жить; но если кора пропадёт—и дерево пропало. Если человеку подрезать жилы, то он умрет, во-первых, потому, что кровь вытечет, а во-вторых, потому, что крови не будет уже ходу по телу.

Так и береза засыхает, когда ребята продолбят лунку, чтобы пить сок, и весь сок вытечет.

Так и яблони пропали от того, что мыши объели всю кору кругом, и соку уже не было хода из кореньев в сучья, листья и цветы.

Шелковичный червь.

У меня были старые тутовые деревья в саду. Еще дедушка мой посадил их. Мне дали осенью золотник семян шелковичных червей и присоветовали выводить червей и делать шелк. Семена эти темно-серые и такие маленькие, что в моем золотнике я сосчитал их 5.835. Они меньше самой маленькой булавочной головки. Они совсем мертвые: только когда раздавишь, так они щелкнут.

Семячки валялись у меня на столе, и я, было, забыл про них.

Но раз весной пошёл я в сад и заметил, что почка на тутовнике стала распускаться, и на припоре солнечном уж был лист. Я вспомнил про семена червей и дома стал перебирать их и рассыпал попросторнее. Большая часть семячек были уже не тёмно-серые, как прежде, а одни были светло-серые, а другие еще светлее с молочным отливом.

На другое утро я рано посмотрел яички и увидал, что из одних червячки уже вышли, а другие разбухли и налились. Они, видно, почувствовали в своих скорлупах, что корм их поспел.

Червячки были чёрные, мохнатые и такие маленькие, что трудно было их рассмотреть. Я поглядел в увеличительное стекло на них и увидал, что они в яичке лежат свёрнутые колечком, а как выходят, так выпрямляются. Я пошёл в сад за тутовыми листьями, набрал пригоршни три, положил к себе на стол и принялся готовить для червей место так, как меня учили.

Пока я готовил бумагу, червячки почуяли на столе свой корм и поползли к нему. Я отодвинул и стал манить червей на лист, и они, как собаки за куском мяса, ползли за листом по сукну стола через карандаши, ножницы и бумагу. Тогда я нарезал бумаги и протыкал ее ножичком, на бумагу наложил листья и совсем с листом наложил бумагу на червяков. Червяки пролезли в дырочки, все взобрались на лист и сейчас же принялись за еду.

На других червей, когда они вывелись, я также наложил бумагу с листом, и все пролезли в дырочки и приня-

лись есть. На каждом листе бумаги все червяки собрались вместе и с краев объедали лист. Потом, когда съедали всё, то ползали по бумаге и искали нового корма. Тогда я накладывал на них новые листы дырявой бумаги с тутовым листом, и они перелезали на новый корм.

Они лежали у меня на полке, и когда листа не было, они ползли по полке, приползали к самому краю, но никогда не спадали вниз, даром что они слепые. Как только червяк подойдет к обрыву, он, прежде чем спускаться, изо рта выпустит паутину и на ней приклеится к краю, спустится, повисит, поосмотрится, и если хочет спуститься—спустится, а если хочет вернуться назад, то втянется назад по своей паутинке.

Целые сутки червяки только и делали, что ели. И листу всё им надо было подавать больше и больше. Когда им принесёшь свежий лист и они переберутся на него, то делается шум, точно дождь по листьям; это они начинают есть свежий лист.

Так старшие черви жили пять дней. Уже они очень выросли и стали есть в 10 раз больше против прежнего. На пятый день я знал, что им надо засыпать, и всё ждал, когда это будет. К вечеру на 5-й день, точно, один старший червяк прилип к бумаге и перестал есть и шевелиться.

На другие сутки я долго караулил его. Я знал, что черви несколько раз линяют, потому что вырастают и им тесно в прежней шкуре, и они надевают новую.

Мы караулили по переменкам с моим товарищем. Ввечеру товарищ закричал: „Раздеваться начал, идите!“ Я пришёл и увидал, что, точно, этот червяк прицепился старой шкурой к бумаге, прорвал около рта дыру, высунул голову и тужится, извивается,—как бы выбраться хочет, но старая рубашка не пускает его. Долго я смотрел на него, как он бился и не мог выбраться, и захотел помочь ему. Я ковырнул чуть-чуть ногтем, но тотчас же увидал, что сделал глупость. Под ногтем было что-то жидкое, и червяк замер. Я думал, что это кровь, но потом я узнал, что это у червяка под кожей есть жидкий сок — для того, чтобы по смазке легче сходила его рубашка. Ногтем я, верно, рас-

строил новую рубашку, потому что червяк, хотя и вылез, но скоро умер.

Других уже я не трогал, а они все так же выбирались из своих рубашек; только некоторые пропадали, а все почти, хотя и долго мучались, но выползали-таки из старой рубашки.

Перелинявши, червяки сильнее стали есть, и листу пошло еще больше. Через 4 дня они опять заснули и опять стали вылезать из шкур. Листу пошло ещё больше, и они были уже ростом в осьмушку вершка. Потом через шесть дней опять заснули и вышли опять в новых шкурах из старых, и стали уже очень велики и толсты, и мы едва поспевали готовить им лист.

На 9-й день старшие червяки совсем перестали есть и поползли вверх по полкам и по столбам. Я собрал их и положил им свежего листа, но они отворачивали головы от листа и ползли прочь. Я вспомнил тогда, что червяки, когда готовятся завиваться в куклы, то перестают совсем есть и ползут вверх.

Я оставил их и стал смотреть, что они будут делать.

Старшие влезли на потолок, разошлись врозь, поползли и стали протягивать по одной паутинке в разные стороны. Я смотрел за одним. Он забрался в угол, протянул ниток шесть на вершок от себя во все стороны, повис на них, перегнулся подковой вдвое, и стал кружить головой и выпускать шелковую паутину, так что паутина обматывалась вокруг него. К вечеру он был уже как в тумане в своей паутине. Чуть видно его было, а на другое утро уж его и совсем не видно было за паутиной: он весь обмотался шёлком, и всё еще мотал.

Через три дня он кончил мотать и замер.

Потом я узнал, сколько он выпускает в длину паутины за эти три дня. Если размотать всю его паутину, то выйдет иногда больше версты, а редко меньше. И если счесть, сколько раз надо мотнуть червячку головой в эти три дня, чтобы выпустить паутину, то выйдет, что он повернется вокруг себя в эти три дня 300.000 раз. Значит, он, не переставая, делает каждую секунду по обороту. За то уже после этой работы, когда мы сняли несколько куколок и

разломили их, то мы нашли в куколках червяков совсем высохших, белых, точно восковых.

Я знал, что из этих куколок с белыми, восковыми мертвецами внутри должны выйти бабочки; но, глядя на них, не мог этому верить. Однако, всё-таки я на 20-й день стал смотреть, что будет с теми, каких я оставил.

На 20-й день я знал, что должна быть перемена. Ничего не было видно, и я уже думал—что-нибудь не так, как вдруг приметил—на одном коконе кончик потемнел и намок. Я подумал уже—не испортился ли, и хотел выбросить. Но подумал: не так ли начинается? и стал смотреть, что будет. И точно, из мокрого места что-то тронулось. Я долго не мог разобрать, что это такое. Но потом показалось что-то похожее на голову с усиками. Усики шевелились. Потом я заметил, что лапка просунулась в дырку, потом другая,—и лапки цеплялись и выкарабкивались из куколки. Всё дальше и дальше выдиралось что-то, и я разобрал мокрую бабочку. Когда выбрались все шесть лапок,—задок выскочил, она вылезла и тут же села. Когда бабочка обсохла, она стала белая, расправила крылья, полетала, покружилась и села на окно.

Через два дня бабочка на подоконнике рядком наклала яиц и приклеила их. Яички были желтые. 25 бабочек положили яйца. И я набрал 5.000 яичек.

На другой год я выкормил уже больше червей и больше вымотал шелку.

Старый тополь.

Пять лет наш сад был заброшен; я нанял работников с топорами и лопатами, и сам стал работать с ними в саду. Мы вырубали и вырезывали сушь и дичь и лишние кусты и деревья. Больше всего разрослись и глушили другие деревья тополь и черёмуха. Тополь идет от корней и его нельзя вырыть, а в земле надо вырубать корни. За прудом стоял огромный, в два обхвата, тополь. Вокруг него была полянка; она вся заросла отростками тополей. Я велел их рубить: мне хотелось, чтобы место было веселее, а главное—мне хотелось облегчить старый тополь, потому что я думал: все эти молодые деревья от него идут и из него тянут

сок. Когда мы вырубали эти молодые тополь ки, мне иногда жалко становилось смотреть, как разрубали под землею их сочные коренья, как потом вчетвером мы тянули и не могли вырвать надрубленный тополёк. Он изо всех сил держался и не хотел умирать. Я подумал: видно, нужно им жить, если они так крепко держатся за жизнь. Но надо было рубить, и я рубил. Потом уже, когда было поздно, я узнал, что не надо было уничтожать их.

Я думал, что отростки вытягивают сок из старого тополя, а вышло наоборот. Когда я рубил их, старый тополь уже умирал. Когда распустились листья, я увидал (он расходился на два сука), что один сук был голый, и в то же лето он засох. Он давно уже умирал, и знал это и передал свою жизнь в отростки.

От этого они так скоро разрослись, а я хотел его облегчить—и побил всех его детей.

Черемуха.

Одна черёмуха выросла на дорожке из орешника и заглушила лещиновые кусты. Долго думал я—рубить или не рубить её: мне жаль было. Черёмуха эта росла не кустом, а деревом, вершка три в отрубе и сажени 4 в вышину, вся развилистая, кудрявая и вся обсыпанная ярким, белым, душистым цветом. Издалека слышен был её запах. Я бы и не срубил её, да один из работников (я ему прежде сказал вырубить всю черёмуху) без меня начал рубить её. Когда я пришёл, уж он врубился в неё вершка на полтора, и сок так и хлюпал под топором, когда он попадал в прежнюю тяпку. „Нечего делать, видно судьба“, подумал я, взял сам топор и начал рубить вместе с мужиком.

Всякую работу весело работать; весело и рубить. Весело наискось глубоко всадить топор, и потом напрямик подсечь подкошенное, и дальше и дальше врубаться в дерево.

Я совсем забыл о черёмухе и только думал о том, как бы скорее свалить её. Когда я запыхался, я положил топор, уперся с мужиком в дерево и попытался свалить его. Мы качнули: дерево задрожало листьями, и на нас закапало с него росой, и посыпались белые, душистые лепестки цветов.

В то же время точно вскрикнуло что-то,—хрустнуло в

середине дерева; мы налегли, и как будто заплакало,—затрещало в средине, и дерево свалилось. Оно разодралось у надруба и, покачиваясь, легло сучьями и цветами на траву. Подрожали ветки и цветы после падения, и остановились.

„Эх! штука-то важная!—сказал мужик.—Живо жалко!“ А мне так было жалко, что я поскорее отошел к другим рабочим.

Как ходят деревья.

Раз мы вычищали на полубугре подле пруда заросшую дорожку, много нарубили шиповника, лозины, тополя, потом пришла черёмуха. Росла она на самой дороге и была такая старая и толстая, что ей не могло быть меньше 10 лет. А пять лет тому назад я знал, что сад был чищен. Я никак не мог понять, как могла тут вырасти такая старая черёмуха. Мы срубили её и прошли дальше. Дальше, в другой чаще, росла другая такая же черёмуха, даже еще потолще. Я осмотрел ее корень и нашёл, что она росла под старой липой. Липа своими сучьями заглушала её, и черёмуха протянулась аршин на пять прямым стеблем по земле а когда выбралась на свет, подняла голову и стала цвести. Я срубил её в корне и подивился тому, как она была свежа и как гнил был корень. Когда я срубил её, мы с мужиками стали её оттаскивать; но сколько мы ни тащили, не могли её сдвинуть: она как будто прилипла. Я сказал: „Посмотри, не зацепили ли где?“ Работник подлез под неё и закричал: „Да у ней другой корень, вот на дороге!“ Я подошёл к нему и увидал, что это была правда.

Черёмуха, чтоб её не глушила липа, перешла из-под липы на дорожку, за три аршина от прежнего корня. Тот корень, что я срубил, был гнилой и сухой, а новый был свежий. Она почуяла, видно, что ей не жить под липой, вытянулась, вцепилась сучком за землю, сделала из сучка корень, а тот корень бросила. Тогда только я понял, как выросла та первая черёмуха на дороге. Она то же верно сделала,—но успела уже совсем отбросить старый корень, так что я не нашёл его.

Историческая библиотека